

АФРИКА

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Коллектив авторов
Африка. История и историки

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2014

авторов К.

Африка. История и историки / К. авторов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2014

В сборнике суммируются результаты исследований ведущими российскими африканистами широкого спектра проблем, связанных с историческим сознанием африканских обществ в колониальную и постколониальную эпохи, которое остается практически не изученным в отечественной и зарубежной исторической науке. Делается попытка объяснить феномен рождения африканской исторической мысли и ее национальных ветвей в их конфликте и взаимодействии с западной исторической традицией, реконструируются основные этапы ее эволюции с учетом региональной специфики. Анализ форм африканской исторической мысли проводится в широком культурно-историческом, социально-политическом и междивизиационном контекстах. Результаты исследования важны как для изучения реального прошлого, так и для выявления особых знаковых систем, свойственных африканской культуре на решающих стадиях ее развития. Издание предназначено для широкого круга читателей, в первую очередь историков, политологов, культурологов, этнологов, социологов и журналистов.

© авторов К., 2014

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2014

Содержание

А. Б. Давидсон. Проблемы изучения африканской исторической науки	6
С. В. Мазов. Историческая тематика в работах Джозефа Кейсли Хейфорда	30
Африканцы – «не дикари без прошлого»	32
Бремя черного человека	34
«Черная опасность»? «Желтая опасность»? «Белая опасность»!	37
Кейсли Хейфорд о колониальной политике европейских держав[114]	41
Н. Г. Щербаков. От истории негров к истории африканских народов: этапы трудного пути	44
Уильям Дюбуа. Африканские корни войны[156]	56
А. В. Воеводский. История Южной Африки в сочинениях африканских интеллигентов и просветителей конца XIX – первой трети XX в.: особенности формирования исторических представлений	63
У истоков	65
Между политикой и историей	69
История и художественная литература	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Африка. История и историки

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014

© Институт всеобщей истории РАН, 2014

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

А. Б. Давидсон. Проблемы изучения африканской исторической науки

Памяти тех, кто сорок лет назад вместе с нами начал изучать историческую науку Африки

Эта книга – зачем и кому она нужна? Ведь такой вопрос неизбежно встает перед читателем при виде очередной книги. И это в наши дни естественно. Волна новой информации так стремительно захлестывает каждого из нас, что мы вынуждены думать: есть ли у меня время одолевать очередную тему, очередную книгу.

Почему же мы, авторы этой книги, считаем важной такую тему?

Цель книги: попытаться понять, как видят прошлое своих народов и стран в Тропической и Южной Африке (когда-то говорили – Черной Африке). И как видят место своего прошлого во всей истории человечества.

Разумеется, хорошо бы знать, как разные народы относятся к своей истории. Но когда речь идет об Африке, тут встают особые сложности. Мы, написавшие эту книгу, во всяком случае старшие из нас, наглядно убедились в этом давно, еще в 1957 г., когда разговаривали с африканцами, приехавшими в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, – тогда в нашу страну впервые приехали большие делегации из Африки. Об истории своих народов они обычно говорили так:

– Вам бы понравилось, если бы о вас и вашей истории весь мир судил по тому, что о вас говорят другие, а не вы сами? А ведь мы, африканцы, находились в таком положении из поколения в поколение. О нас судили по тому, что говорили и писали белые люди. Наш собственный голос не был слышен. Доходило до того, что мы сами верили в то, как о нас судили белые. Вот мы и хотим теперь опровергнуть чужие оценки, найти собственное объяснение нашему прошлому и показать его всему миру.

Затем, в 1958 г., в Ташкент на конференцию писателей стран Азии и Африки приехала – тоже впервые – группа литературной общественности стран Африки: из Нигерии, Ганы, Сомали, Уганды, Анголы, Сенегала, Мадагаскара и других стран. Камерунский писатель Бенжамен Матип с трибуны этой конференции говорил о «полной дезафриканизации Африки». «Искусство, религия, культура, традиции – все проявления духовной жизни систематически и грубо искоренялись, с презрением, характерным для расистов-завоевателей»¹.

В той конференции участвовал и афроамериканец Уильям Дюбуа, известный историк. Он не только выступил, но и разрешил перевести и издать его книгу «История Африки». Она вышла в Москве в 1961 г. и стала первой на русском языке книгой с таким названием. Автор начал книгу с обвинений западному колониализму: «...упорно пытались оправдать порабощение негров, вычеркнуть Африку из мировой истории»; «...до сих пор я сталкиваюсь с упорным нежеланием проявить интерес к Африке – нежеланием, так характерным для современной истории и социологии». Дюбуа обрушился на «тех многочисленных авторов книг по современной истории, которые не хотят и слышать об Африке» или уверены, что «единственный материк, у которого нет истории, – Африка»².

Такие высказывания, такие обвинения в адрес Европы, евроцентризма звучали не только в 1950-х и 1960-х. Многими годами позднее Амаду-Мохтар М'Боу, генеральный директор

¹ Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки. Ташкент, 1960. С. 455–456.

² Дюбуа У. Э. Б. Африка. Очерк по истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961. С. 26–28.

ЮНЕСКО, констатировал: «Долгое время все виды мифов и предрассудков скрывали от мира подлинную историю Африки»³.

Громко звучат подобные утверждения и в наши дни.

Читатель вправе задать вопрос:

– Да, скорее всего, африканцы правы, и мы им сочувствуем. Но все же – насколько важно нам, в России, за тысячи километров от Африки, вникать в сложные споры и решения этих, мы уверены, весьма трудных вопросов?

Что можно ответить? Очень многое.

Прежде всего: то, что говорят африканцы, касается не только их, это проблема общемировая и напрямую касается всех нас.

* * *

Вот мы говорим: «Ближний Восток». А к кому он ближний? Мы говорим: «Дальний Восток»? А от кого он дальний? Отсчитываем от Европы.

Мы говорим: «Великие географические открытия». Что значат эти слова? Европа открывала далекие от нее земли. Европа и европейцы в этом случае предстают субъектом исторического процесса, а другие области мира и их обитатели – объектом.

Вся периодизация всемирной истории – так, как она преподается в школах и университетах нашей страны, да и многих стран Европы, – строится зачастую, исходя из истории самой Европы.

Может это нравиться подавляющему большинству современного человечества – африканцам и азиатам? Может не вызывать протеста?

На глазах нынешних поколений идут бурные схватки из-за трактовок исторического прошлого – с обвинениями в антипатриотизме, предательстве интересов своего народа, родины, государства. Мы это видели и видим и в своей стране. У нас дело, как мы знаем, дошло недавно до создания комиссии по борьбе с фальсификацией истории.

Такие схватки не угасают. Многие из них разгораются все ярче.

Особенно масштабны протесты в Азии и Африке – против трактовок, исходящих от стран, которые поставили когда-то Африку и Азию в колониальную зависимость. Ведь каждый народ гневно относится к искажениям, исходящим от иноземцев, иноверцев.

Со взглядами азиатов и африканцев всему миру приходится считаться теперь неизмеримо больше, чем еще 20–30 лет назад. До недавнего времени в ходу был термин «вестернизация» (он и сейчас встречается достаточно часто). Не буду судить, насколько он правомерен. Если да, то для нашего времени можно ввести термин «афро-азиатизация». В. О. Ключевский записал в дневнике в 1904 г. (не для публикации, а просто для себя): «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?»⁴

Но дело не в терминах и даже не в давних предвидениях. В них ведь можно вкладывать очень разный смысл и спорить до бесконечности.

Неоспорим же факт: роль Азии и Африки в современном мире растет с каждым годом. И в общем народонаселении мира, и в экономике, политике, культуре, не говоря уже о спорте. Во всех сферах жизни человечества.

Те, кого в просторечии называют «белые люди», это уже меньше одной десятой человечества. «Черная Африка» по численности населения превосходит Европу. В Нигерии жителей намного больше, чем в России. Что уж говорить о Китае и Индии.

³ General History of Africa. Paris, 1985. Vo I. 7. P. XIX.

⁴ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 305.

Миграционные потоки, которые шли раньше из Европы на другие континенты, повернулись вспять. В Африке численность европейцев резко уменьшилась, зато миллионы африканцев и азиатов хлынули в Европу. Так что, если говорить об афро-азиатизации современного мира, она выражается не только в усилении роли государств Востока и Африки, но и в росте афро-азиатского населения в Европе (да и в США). А магазины Европы заполнены товарами с Востока, особенно из Китая, который борется с Соединенными Штатами за лидерство в мировой экономике.

Важнейшие мировые проблемы обсуждаются теперь не «восьмеркой» государств, а «двадцаткой», в которую входят и те, что были колониальными и зависимыми. Государствами, наиболее быстро развивающимися, считают сейчас группу, которую именуют БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика).

Одно из важнейших противоречий современного мира: наследие имперского прошлого, когда одни страны были метрополиями, а другие – подавляющее большинство, – зависимыми или, даже официально, колониями. Последствия этого прошлого остро ощущаются сейчас и еще будут давать о себе знать. То, что накапливалось за жизнь многих поколений, не может быстро исчезнуть.

У народов, которые были колониальными или зависимыми, накопилось множество обид и претензий, обоснованных или нет, к государствам, которые ими управляли. И даже больше – ко всей Европе. Считают, что вся она – в той или иной степени – причастна к становлению колониального господства. Эти обиды и претензии эксплуатируются теми политиками нынешних развивающихся стран, которые хотят списать на последствия колониализма собственные промахи, ошибки, а то и преступные действия. При этом, намеренно или не намеренно, забывается то позитивное, что принесли европейцы не-Европе.

А в бывших метрополиях не угасла ностальгия по имперскому величию. Обитатели метрополий не очень любят задумываться над этим синдромом. Но он есть. И весьма значителен.

Наивно было бы думать, что за столетия господства метрополий не накопилось огромное недовольство тех, кем они управляли, и что теперь – после распада империй – не откроются клапаны для выбросов такого недовольства.

Индийцы не забывают, что Уинстон Черчилль называл их национального героя Махатму Ганди «воинствующий полуголый факир». И так ведь говорил один из дальновидных лидеров Европы XX столетия. Сколько же мерзостей наговорили и, главное, наделали другие?

Легко ли китайцам забыть, как кайзер Вильгельм II напутствовал немецкий экспедиционный корпус, отправляя его в 1900 г. в Китай: «Пощады не давать! Пленных не брать. Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Аттилой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово “германец” должно ужасать Китай в следующую тысячу лет. Вы должны действовать так, чтобы китаец уже никогда не посмел косо посмотреть на германца»⁵.

Что уж говорить об Африке? По приказу того же императора Вильгельма восставший против немецкого господства народ гереро огнем пулеметов загнали в пустыню Калахари и обрекли десятки тысяч людей на гибель от голода и жажды. Одни и те же европейцы вели себя на родине и в Африке совсем по-разному. Французский писатель Жорж Оне писал в одном из своих романов в конце XIX века: «Меслер был прямодушен и добр на редкость. Но в Африке... он никогда не колебался выстрелить... В Трансваале это называлось быть энергичным. Во Франции это считалось бы преступлением. Вопрос географической широты, среды и обстоятельств. Его жену умоляют: “Не показывайте мне ваш африканский облик... Покажите мне ваше парижское лицо. Ведь это же не мадам Меслер, грозная и решительная королева, что

⁵ Deutschland in der Periode des Imperialismus. Berlin, 1953. S. 48.

царствует над дикарями среди тигров. Не ее я пришел повидать. Нет, это же мадам Меслер, милостивая, благосклонная, та, что живет на Елисейских полях»⁶.

Жизнь в колониях меняла характер очень многих европейцев – настолько, что они готовы были, вернувшись в Европу, перенести туда свои колониальные нравы. Это хорошо подметил в Англии больше ста лет назад И. Шкловский, корреспондент журнала «Русское богатство»: «Представителем нашего округа в парламенте с незапамятных времен был старый отставной генерал. Выслужился он где-то на западном берегу Африки; там с небольшим отрядом и пятью пушками он насадил европейскую культуру, т. е. выжег столько деревень, вырубил столько плодовых деревьев и истребил столько негров и коров, что край этот пустынен до сих пор, хотя прошло уже много, много лет... В парламенте старик был раза два, но свое присутствие ознаменовал. Послушав речи оппозиции, старик заявил, что, собственно говоря, с ней нужно было бы расправиться “по-африкански”, т. е. впустить несколько солдат, вкатить пушечку и затем: “Раз, два! Направо коли, налево руби!”»⁷.

Вдуматься – как же изменилось для нас даже понятие Восток – Запад! Во времена холодной войны, еще четверть века назад, это было противопоставление западного капиталистического мира восточному «социалистическому лагерю». А теперь? Под Востоком подразумевают те страны, что были колониальными и зависимыми. Прежде всего – Азию и Африку. А под Западом – развитые капиталистические страны. То есть теперь в понятии Восток– Запад, в сущности, видят противопоставление: Север – Юг.

Такое противоречие мешает взаимопониманию народов в современном мире. Без его преодоления мир обречен на бесчисленные конфликты. Но устранить его чрезвычайно трудно. Оно порождено и закреплено столетиями и потому очень живуче. Преодолеть его можно только развивая взаимопонимание.

Но как добиваться взаимопонимания? Надо больше знать друг о друге. А это возможно только при ряде условий. Одно из них, может быть важнейшее: надо понимать, как видят свою историческую судьбу другие народы, как они представляют себя в мировой истории и как они со своих позиций представляют историю человечества. Она ведь видится по-разному из Москвы и из Нью-Йорка, Пекина и Аддис-Абебы, Риги и Ташкента, Каира и Кейптауна. И это иное видение истории надо учитывать, изучать. Не относиться к нему с пренебрежением, а пытаться понять и уважать.

И нужно больше самокритики. Достаточно ли хорошо европейцы представляют себе обитателей других материков? Не слишком ли увлеклись своим евроцентризмом? Не в обиду нам, европейцам, будет сказано, мы ведь Восток и Африку, да и Латинскую Америку, знаем неизмеримо меньше и хуже, чем свою Европу.

Конечно, можно встать и на весьма распространенную – обывательскую – точку зрения: пусть это они, другие, будут к нам приспосабливаться, постараются понимать нас, наши традиции, обычаи, порядки. Но дальновиден ли такой подход? Не стоит ли почаще напоминать себе слова Крылова: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Как можно лучше узнать друг друга народы современного мира обязаны хотя бы и из инстинкта самосохранения. Ведь на протяжении всей истории человечества конфликты зачастую решались военными действиями. Сейчас, впервые в истории, такой путь, при наличии термоядерного оружия у ряда государств (и еще ряд развивающихся государств пытаются получить его), ведет в тупик; любая большая война может прекратить жизнь на Земле. Так что теперь, как никогда раньше, необходимы компромиссы, толерантность, умение вслушиваться в аргументы другой стороны, понимать их. А для этого необходимо лучше знать другие народы и страны, их традиции, их видение мира, их культуру, их политическое сознание.

⁶ Ohnet G. L'inutile richesse. Paris, 1896. P. 5, 12.

⁷ Дионео (Шкловский И. В.). Очерки современной Англии // Русское богатство. 1903. № 61. С. 254.

Разумеется, такой подход необходим во взаимоотношениях между всеми народами нашей планеты, которая стала обозримой, как коммунальная квартира, где каждый зависит от соседей, даже самых дальних. Но в отношениях между Европой и бывшими колониальными и зависимыми странами задача по-настоящему знать друг друга еще трудней и насущней.

Взгляды, державшиеся веками, теперь критикуют и в Африке, и в Европе. В Америке вышла книга «Африка, которой никогда не было», во втором издании – «Миф об Африке». Литературу об Африке, которая издавалась в Европе несколько веков, там назвали: «западная фантазия, основанная на этноцентризме»⁸. А в книге, изданной в Ибадане (Нигерия), сказано, что «колонильный роман об Африке был не чем иным, как отражением европейских предрассудков». И приведены слова французского писателя и путешественника Андре Жида: «Чем неразумней белый человек, тем глупее он считает черного»⁹.

Но привычные взгляды не ушли бесследно. Они живы по сей день. Это убедительно показано, например, в книге «Искусственная Африка. Колониальные образы во времена глобализации»¹⁰. Как же трудно преодолевать представление, что у африканских народов нет истории!

Вот на таком фоне и видится отношение африканцев к их прошлому. И необходимость для нас, россиян, рассматривать, как складывается это отношение и как оно меняется.

* * *

Все это привлекло наше внимание давно, полвека назад. Мы решили, что знать Африку нельзя, не поняв, как она сама видит себя во всей истории человечества. Мы – это Центр (поначалу – Сектор) африканских исследований Института всеобщей истории и наши коллеги из Института Африки и других научных учреждений. Решили рассматривать труды историков-африканцев и выявить основные тенденции в характере их исследований.

Прежде чем приступить к этой работе – или, во всяком случае, в самом ее начале, – мы подумали и над тем, каков все-таки образ Африки в нашей стране: как он складывался. И стали пересматривать, да и переосмысливать ту информацию, которую получила наша страна об Африке, начиная с первых «Географий» – книг, изданных при Петре I¹¹. Начиная с изданных при Екатерине II и давно забытых: первого большого двухтомника о путешествиях по Африке¹² и первых воспоминаний, написанных африканцем¹³. И, разумеется, до современных, сегодняшних!

Нам, россиянам, наверно, хотелось бы тешить себя уверенностью, что непонимание прошлого Африки было присуще Западу, а отнюдь не нам.

Но вот объемистый труд, изданный в Петербурге в 1909 г.: «История человечества. Всемирная история». Об Африке – в третьем томе. И что же говорится?

«Громадная и неуклюжая по своему виду, с негостеприимными берегами, выжженными большею частью лучами тропического солнца, Африка... угрюма и загадочна, как сфинкс в

⁸ Hammond L., Jablow A. *The Myth of Africa*. New York, 1977. P. 7.

⁹ Nwezeh E. C. *Africa in French and German Fiction (1911–1933)*. Ibadan, 1978. P. VII, 3.

¹⁰ Mayer R. *Artificial Africas: Colonial Images in the Times of Globalization*. Hanover; London, 2002.

¹¹ Зем новодного круга краткое описание из старья и новья географии... Повелением Великого государя... напечатано в Москве. Лета Господня 1719-го, в ап реле месяце; География, или Краткое земнаго круга описание... в типографии Московской. Лета Господня 1710-го в месяце марте.

¹² Путешествие г. Вальяна во внутренность Афри ки, чрез мыс Доброй Надежды в 1780, 1781, 1782, 1783, 1784 и 1785 годах. Т. 1–2. М., 1793.

¹³ Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им на вест-индских плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света; описания как разных народов африканских, их веры, нравов и обыкновений, так и многих стран, виденных им во время своей жизни, со многими трогательными и любопытными анекдотами и с присовокуплением гравированного его портрета / пер. с нем. А.Т. Ч. 1–2. М., 1794.

египетской пустыне. И какова земля, таков и народ. Едва известный подвижным расам Азии и Европы в течение тысячелетий, своим цветом кожи уже как бы отверженный от ряда благородных народов, прожил он, замкнувшись, неисчислимые годы, не выходя из естественных границ своей территории для дружеского сношения или неприятельского нападения... Если мы можем сравнить историю рас Европы с деятельностью в ясный солнечный день, то история Африки только тяжелый ночной сон; спящего он успокаивает или тревожит, так что он с беспокойством поворачивается на своем ложе; но другие его не знают, а проснувшийся скоро забывает о нем».

А об отношении к изучению истории Африки сказано так: «Подвинемся ли мы далеко в знаниях, если нам станет известным, что такое-то негритянское племя со странным названием в таком-то году переселилось на место жительства в соседнюю область, что оно в каком-то другом году было рассеяно и уничтожено?»

Это напечатано в коллективном труде крупнейших немецких ученых «История человечества. Всемирная история». Этот труд считался важным достижением науки и в 1909 г. был полностью переведен на русский язык¹⁴.

И русские ученые не дали никакого комментария, не высказали своего отношения ко всему этому.

Конечно, в нашей стране (как, впрочем, и на Западе) было и иное отношение к Африке. Поэт Николай Гумилев – после своих четырех путешествий – писал о ней с глубоким уважением: и в своих статьях и в цикле стихотворений об Африке.

Но что же, совсем закрыть глаза на перевод немецкий «Истории человечества»? Считать, что она не имела никакого влияния на русских читателей, даже на научную общественность? Никуда не деться, приходится признать, что если бы в нашей стране и до того совсем уж не было подобных взглядов, русские издатели обязательно бы дали свой комментарий.

Основные сведения об Африке шли в Россию с Запада. А раз сведения, значит, и оценки. И предрассудки.

Но в СССР были и другие, свои собственные препоны для понимания Африки.

Сейчас не все из нас помнят, что национально-освободительному движению, такому важному для Африки явлению, руководство СССР не уделяло должного внимания вплоть до второй половины 1950-х годов. Это было связано с утверждением Сталина, что, «вообще говоря, пролетариат не будет поддерживать так называемое национально-освободительное движение, так как до настоящего времени всякое такое движение совершалось в пользу буржуазии, развращало и калечило классовое самосознание пролетариата»¹⁵. Выдвинул он его еще в 1904 г., но, очевидно, остался верен ему, так как включил в собрание сочинений без каких-либо оговорок.

В соответствии с этой установкой советские власти так и относились к национально-освободительным движениям стран Африки и Азии во времена Сталина и даже еще какое-то время после его смерти. Поэтому провозглашение независимости Индии, Пакистана, Индонезии и Бирмы в конце 1940-х годов не получило в СССР должной оценки. А в 1954 г. был даже закрыт Московский институт востоковедения (в котором учился, например, Е. М. Примаков). Сдвиги в советской геополитике, как известно, произошли в конце 1955-го – начале 1956 г., а перелом – в 1960-х годах.

А способствовало ли пониманию Африки и африканцев то настроение части русского общества, которое отчетливо выразилось, например, в позиции А. С. Солженицына? В своих воспоминаниях он написал: «Под моими подошвами всю мою жизнь – земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу». И об Африке: «...страдатели Африки» – явно с иро-

¹⁴ История человечества. Всемирная история. Т. 3. СПб., 1909. С. 377–378.

¹⁵ Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? // Сочинения. Т. 1. М., 1951. С. 49.

нией¹⁶. Он написал и статью «Чего будет стоить Америке, если она не поймет Россию». Но не написал статью «Чего будет стоить России, если она не поймет Америку». Прожив годы в Америке, которая, что ни говори, приютила писателя, когда его выгнали из родной страны, он, кажется, так и не заинтересовался ее жизнью. Если такое отношение к Америке, то что уж говорить об Африке?

Очевидно, бывает, что полная концентрация внимания на своем народе мешает проявлению внимания к другим. Но ведь чужое помогает понять свое, так же как свое помогает понять чужое.

Ну а что, конечно, особенно мешало изучать Африку – это те запреты, которые широко практиковались советскими властями в сталинское и послесталинское время. Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, считавшийся патриархом отечественной африканистики, был невыездным с конца 1968 г. до своей кончины, – почти двадцать лет. Причины ему не объясняли. В результате он не мог участвовать в международных встречах, которые проводились в Африке и на Западе. А его участие было бы так плодотворно и для установления связей с зарубежными учеными и в целом для развития африканистики – не только отечественной, но и мировой.

Невыездным был и я – до декабря 1981 г., когда мне шел 53-й год.

На первый Международный конгресс историков Африки (Дар-эс-Салам, 1965 г.) приглашение я получил (к сожалению, больше никого из советских историков не позвали). Мне предложили не только выступить с докладом, но и выделили один из дней конференции для дискуссии по моей теме: «Сопrotивление африканцев установлению колониального господства». На Западе этим вопросом тогда еще только начали заниматься, а у меня еще в 1958 г. вышла на эту тему книга. Но советского разрешения на поездку в Дар-эс-Салам я не получил. Почему? Мне этого не объяснили. (Текст моего доклада был все же зачитан на конференции и опубликован в сборнике ее материалов¹⁷, а затем в 1970 г. переиздан в Америке в книге «Проблемы истории колониальной Африки»¹⁸).

И под такими запретами проходили десятилетия жизни у многих историков – да разве только у историков?

Как же это мешало укреплению связей ученых нашей страны с зарубежными, как мешало нам понять Африку! Но это особая, чрезвычайно важная тема. Тут я ее только упоминаю.

* * *

С чего же все-таки началось и как происходило в нашей стране знакомство со взглядами африканцев на их прошлое?

Должно быть, уже ранние контакты с африканцами давали какое-то представление. В 1853 г. Иван Гончаров, тогда еще не автор «Обломова», оказавшись в Кейптауне, даже поехал в тюрьму, чтобы повидаться с вождем Сейоло, который был приговорен англичанами к пожизненному заключению за восстание против них. В 1858 г. живописец Алексей Вышеславцов, попав в Кейптаун, тоже посетил тюрьму, повидал пленного вождя Сандили¹⁹. Гончаров и Вышеславцов, да и другие российские путешественники еще в давние времена оставили впечатления о том, как видели африканцы себя и свои народы во взаимоотношениях с «чужеземцами». В конце XIX и начале XX в. в разговорах русских офицеров в Эфиопии и эфио-

¹⁶ *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни. Париж, 1975. С. 134, 497.

¹⁷ *Davidson A.* African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule // *Emerging Themes of African History. Proceedings of the International Congress of African Historians held at University College, Dar es Salaam, October 1965* / Ed. T. O. Ranger. Nairobi, 1968. P. 177–188.

¹⁸ *Problems in History of Colonial Africa, 1860–1960* / Ed. R. Collins. Englewood Cliffs (N.J.), 1970. P. 50–58.

¹⁹ *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далекой страны. М., 1975. С. 308–309, 340.

пов, учившихся в военных училищах Петербурга, тоже, конечно, заходила речь о прошлом их страны.

И уж что говорить о Николае Гумилеве, его впечатлениях. Он писал, что Африка «ждет именно гостей и никогда не признает их хозяевами»²⁰ и переводил произведения эфиопского фольклора.

Сказки народов Африки переводились еще в дореволюционные времена. Тогда, конечно, с европейских языков, но в 1930-х годах перевод зулусских сказок был сделан в основном с зулусского²¹. С конца 1950-х годов выходили уже десятки, а затем и сотни публикаций африканских сказок, басен, народных песен.

Может быть, те, кто их читал, увлекаясь сюжетами сказок, далеко не всегда задумывались, что сказки передают отношение народа к его прошлому, его истории. Но пусть и не вполне осознанно, это отношение читатели все-таки чувствовали.

Первый роман писателя-африканца вышел в переводе на русский язык в 1926 г.²² А большую череду романов, повестей, стихотворений, написанных африканцами, открыл роман южноафриканца Питера Абрахамса «Тропой грома». Его перевод вышел в Москве в 1949 г., а затем где он только не издавался: в Саратове, Алма-Ате, Ставрополе, даже в Чебоксарах. После этого, особенно с начала 1960-х годов, идет бурный поток произведений, написанных африканцами.

А само изучение африканской исторической науки – когда оно у нас началось?

В МГУ на кафедре африканистики с начала 1960-х годов был введен курс источниковедения и историографии истории Африки и, конечно, говорилось об африканских историках – тех немногих, которые к тому времени появились. В 1977 г. российский читатель получил небольшой сборник со статьями и главами из книг нигерийца Дж. Ф. Аде Аджайи, вольгтийца Ж. Ки-Зербо, кенийцев В. Окуму и Б. Огота, угандийца С. Кивануки, южноафриканца Т. Мбойя и двух арабских ученых: египтянина Г. М. Хасанейна и алжирца М. Сахли²³. Советские ученые начали уделять внимание работам отдельных африканских историков.

Но всерьез наладить изучение тенденций развития исторической науки в Африке, даже подступиться к этому, оказалось очень сложно.

* * *

За изучение тенденций становления исторической науки в Африке взялись в 1970-х годах африканисты Института всеобщей истории. Проводились конференции, обсуждалось состояние исторической науки в странах Восточной, Западной и Южной Африки, в Эфиопии, труды африканских историков, заслуживших к тому времени известность.

Мы убедились, сколь многого добились африканские историки для восстановления облика доколониального прошлого тогдашних государственных объединений и в целом общественного строя народов доколониальной Африки, их массовых представлений, верований, самых различных сторон традиционной жизни.

Безусловное уважение у всех нас вызвала работа африканских ученых по сбору и анализу устной исторической традиции. Сам размах этой работы – к ней привлекали и школьников, они записывали рассказы хранителей народной традиции, расспрашивали старых людей о давнем и не очень давнем прошлом.

²⁰ Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1991. С. 224.

²¹ Сказки зулу. Izinganekwane / пер. И. Л. Снегирева. М., Л., 1937.

²² Маран Р. Батуала. Л., 1926.

²³ Говорят африканские историки. М., 1977.

Мы обсуждали те задачи, которые были поставлены молодым африканским историкам правительствами и общественностью. Требования к молодым историкам от таких же молодых, только что возникших государств. Требования содействия в решении государственно-патриотических задач. Прежде всего, задач воспитания в народе, и особенно у молодежи, чувства национальной гордости, единства, верности своему, только что обретенному суверенитету. И, разумеется, новым правителям.

Мы стремились яснее представить, что значат «африканский подход к истории» и «африканизация» источниковой базы. Узнать, как историки выполняют задание: создать в каждом из государств свой пантеон героев прошлого. С интересом узнали, какой ответ на вопрос «Зачем мы учим историю?» давался в пособии для учителей Западной Африки. Ответ такой: «Нас побуждает к этому потребность в безопасности, ибо мы знаем – как знали это наши отцы, учившие нас, – что, если наши дети вырастут, не узнав свою страну и не поверив в нее, ее будущее окажется очень мрачным»²⁴.

Мы глубже познакомились с идеями негритюда – стремления возвеличить роль Африки в истории человечества. Читали множество утверждений, таких как у Альяна Диопа, яркого публициста и деятеля культуры: «Миссия негритюда: вернуть истории ее подлинные масштабы»²⁵. Даже сенегалец Шейх Анта Диоп (он не был в числе самых активных сторонников идей негритюда), издал в 1957 г. книгу «Первенство африканских цивилизаций...».

Мы убедились и в том, что «африканский подход к истории» – это далеко не всегда огульное осуждение действий европейцев в Африке. Кенийский историк Уильям Очиенг, например, на страницах журнала «Kenya historical Review» выступил против «узконационалистического взгляда» на историю Африки, призвал не ограничиваться в африканском прошлом поисками исторической романтики, а стремиться найти в нем ответы на животрепещущие вопросы, например: «Как нам объяснить вековую стагнацию Африки?»²⁶

Для того времени, до 1970-х годов, не было за рубежом попыток рассмотреть в целом историю становления исторической науки в Африке.

Мы старались рассмотреть ее с самых истоков, с работ либерийцев и сьерра-леонцев в последние десятилетия XIX в. С вышедшей еще в 1868 г. «Истории Сьерра-Леоне» сьерра-леонца А. Б. К. Сибторпе; с «Истории Золотого Берега», написанной в 1880-х годах К. Х. Рейндорфом, мулатом с Золотого Берега (ныне – Гана); книг «Обычное право фанти» и «Национальная конституция фанти», которые издал Джон Менс Сарба, тоже уроженец Золотого Берега; первая вышла в 1899 г., вторая – в 1906 г. Узнали о нигерийском историке Сэмюэле Джонстоне. Он, может быть, первым годами собирал устные предания народа йоруба и в 1899 г. завершил книгу «История йорубов». Но книга его (он послал ее рукопись в Лондон) как-то затерялась и вышла только в 1921 г., через двадцать лет после смерти автора. В Эфиопии писал о проблемах истории своей страны Гэбре-Хыйуот Байкедань. В Восточной Африке в первые десятилетия XX в. выходили на языке суахили сборники устных народных преданий.

Авторы всех этих трудов не были профессиональными учеными.

Наибольшее внимание мы уделили тем, еще немногим историкам-профессионалам, которые появились в Африке в конце 1940-х, 1950–1960-х годах. Получить их труды было нелегко: многие из них выходили в африканских странах, с которыми книготорговые и библиотечные связи с Москвой налажены не были (а Интернет еще не изобрели). Мы анализированы

²⁴ Crookall E. Handbook for History Teachers in West Africa. Evans, 1960. Цит. по: Ballard M. Introduction // New Movements in the Study and Teaching of History. London, 1971. P. 5–6.

²⁵ Diop A. Le sens de ce Congrès (Discours d'ouverture). Deuxième Congrès des écrivains des artistes Noires // Présence Africaine. No. 24–25. 1959. С. 42–43.

²⁶ African Studies since 1945: A Tribute to Basil Davidson. Proceedings of a Seminar in Honour of Basil Davidson Sixtieth Birthday at the Centre of African Studies, University of Edinburgh under the Chairmanship of George Shepperson. Edinburgh, 1976. P. 22–23.

труды тех, кто к середине 1970-х годов уже приобрели известность. Это прежде всего работы нигерийцев К. О. Дике, Дж. Ф. Аде Аджайи, Бубу Хамы, С. О. Биобаку, сенегальцев Шейха Анта Диопа, Пате Дианя, вольтийца Жозефа Ки-Зербо, конголезца Теофила Обенги, ганца Аду Боахена, угандийца Матья Семакула Киванука, кенийцев Бетвела Алана Огота, Уильяма Роберта Очиенга и Годффри Муриуки, Э. С. Атиено-Одиамбо, Али Мазруи, танзанийца Исарии Кимамбо, эфиопов Тэкле Цадика Мэкурия, Алека Тайе.

О С. О. Биобаку, К. О. Дике и Дж. Ф. Аде Аджайи судить было, пожалуй, легче, чем о других, так как они приезжали в Москву, встречались с советскими африканистами. Двум первым была присуждена степень почетных докторов наук Института Африки.

В 1958 г. в связи с конференцией писателей в Ташкенте многие ее участники встретились в Москве и с нами, московскими африканистами.

Кажется, в связи с этой конференцией приехал к нам и Альян Диоп, редактор выходившего в Париже журнала «Présance Africaine», тогда самого влиятельного из журналов, которые издавали африканцы. Он выступил перед нами, отвечал на наши вопросы. Вспомнил о тех, с кем вместе он когда-то создавал этот журнал. А это был не только Леопольд Седар Сенгор, известный сенегальский поэт, и другие африканцы, но и французские писатели: Жан-Поль Сартр, Андре Жид, Альбер Камю. Альян Диоп подарил нам несколько номеров журнала и обратил наше внимание на его статью, которой он открыл первый номер журнала в ноябре 1947 г. Там он призывал к «сотрудничеству всех людей доброй воли (белых, желтых, черных) помочь определить африканскую самобытность и ускорить ее включение в современный мир». И подчеркнул, что как Африке нужна Европа, так и Европе нужна Африка. «Мы нужны друг другу». Конечно, при этом не обошлось и без идеи негритюда об особой духовности африканцев: «... у людей заморских территорий есть такие огромные моральные ресурсы, что они могут оплодотворить Европу»²⁷.

Напомнил, что именно в этом журнале выходили первые статьи африканских ученых – вольтийца Жозефа Ки-Зербо, сенегальца Шейха Анта Диопа, малийца Секене-Моди Сисоко, камерунца Энжельбера Мвенга, а позднее и сенегальца Пате Дианя и конголезца Теофила Обенга. Что, в сущности, с этих статей началась их известность. И что журнал стал рупором Общества африканской культуры с момента создания этого общества, с 1957 г.

Альян Диоп не только выступил, но и предложил нам дать свои статьи – чтобы он мог издать сборник под названием «Российские африканисты говорят об Африке». Статьи были собраны, и переведены быстро, и в 1960 г. сборник вышел в Париже²⁸. Есть там и моя статья²⁹.

С африканскими историками мы познакомились на XXV Всемирном конгрессе востоковедов, который состоялся в Москве в августе 1960 г. Прежде на таких востоковедных конгрессах африканцев никогда не было. А тут – сразу из нескольких стран: из Ганы, Камеруна, Нигерии, Сенегала, Уганды, Эфиопии. И поведение западных историков тоже стало иным. Британские африканисты Роланд Оливер и Джон Фейдж привезли первый номер «The Journal of African History»³⁰, первого в мире журнала, посвященного истории Африки. Оливер и Фейдж, его соредакторы, говорили мне, что главная их задача – отказаться от британской гордыни, от высокомерия к африканцам. Они, я уверен, были вполне искренни. Но все же в этом первом номере журнала, подготовленном к открытию конгресса, не было ни одной статьи, написанной африканцем. Вина его создателей-редакторов? Винить их вряд ли справедливо. Публиковали они статьи профессиональных историков, а такие статьи у африканцев только еще появлялись.

²⁷ Diop A. Niam n'Goura ou les raisons d'être de «Présance Africaine»// Présance Africaine. No. 1. Paris, 1947.

²⁸ Des africanistes russes parlent de l'Afrique. Paris, 1960.

²⁹ Davidson A. La résistance de la tribu Matabélé à l'établissement de la colonie de Rhodésie du Sud // Des africanistes russes... P. 55–87.

³⁰ The Journal of African History. 1960. Vol. 1. No. 1. 1960.

Это было начало. А как складывались у нас впоследствии связи с африканскими историками? Систематических связей не было. И нет никакой обобщенной их фиксации. Поэтому и опираюсь на личные воспоминания.

Конгресс востоковедов в Москве в 1960 г. стал не только первым, в котором принимали участие африканцы, но, к сожалению, и последним из этих всемирных востоковедческих форумов, в котором была африканская секция. И. И. Потехин в своем выступлении предложил, чтобы африканисты отделились от востоковедов и проводили свои конгрессы. Чем объясняется это предложение? Потехин выступил, как тогда казалось, из вполне объяснимых соображений. Шел 1960 год – Год Африки. Эйфория по поводу будущего Африки охватила не только африканцев, но, в сущности, весь мир. В идее, что у африканистов будут даже их собственные научные конгрессы, проявилось и уважение к Африке, и вера в ее будущее. Предложение Потехина приняли. Но действительность оказалась не столь радужной. Конгрессы африканистов собирались два или три раза и затем прекратились. Почему? Не было такого финансирования, как у востоковедов, не было налаженной организационной системы, не было давних традиций. Да и численность африканистов в мире неизмеримо меньше, чем востоковедов.

Постоянных всемирных форумов, на которых африканисты могли бы встречаться, обмениваться мнениями, координировать свои научные исследования, – таких форумов нет. Но конгрессы и конференции африканистов проводились и проводятся, хотя и не такие масштабные. Нерегулярно, время от времени, проводились и продолжали проводиться и в Африке и за ее пределами.

Историческая наука ЮАР на фоне того, что мы знали о Тропической Африке выглядела, конечно, совершенно особенной. Она начала развиваться уже давно, еще в XIX в. Ее зачинателями и продолжателями были приехавшие из Европы. Первыми – Дж. Маккол Тил и его последователь Дж. Э. Кори. Тил был исключительно плодовит. Среди множества его трудов, изданных в конце XIX в.: 11-томная «История Южной Африки», 36-томный «Архив Капской колонии», 9-томный «Архив Юго-Восточной Африки». Эти издания документов показались мне настолько интересными, что еще в 1960-х годах, участвуя в комплектовании библиотеки только что созданного Института Африки, я заказал несколько из них, и библиотека их получила.

Тила и Кори привлекали в основном не африканцы, а история европейской колонизации. Но и это – разве не интересно? Особенно, если в достоверных документах.

Из южноафриканских историков XX столетия нами были наиболее подробно рассмотрены труды С. В. де Кивита, У. М. Макмиллана, М. Вильсон, Ф. А. Яарсфельда. Все эти историки британского происхождения или африканеры. Профессиональных историков-африканцев в ЮАР еще не было. Виной тому – политика апартхеида, затруднявшая для африканцев доступ к высшему образованию.

В подавляющем большинстве книг и статей африканских историков не затрагивались проблемы всемирной истории, говорилось о тех или иных народах, странах, областях самой Африки. Это относится и к историкам-африканерам: они сосредотачивали внимание на истории своего народа. Выходцы из Великобритании и их потомки больше затрагивали связи прошлого Африки с всемирной историей.

Историки-африканцы касались прошлого Европы, как правило, только чтобы разоблачить европейский колониализм. Взгляды многих историков-африканцев выразил вольтиец Жозеф Ки-Зербо. В 1972 г., в год, когда его избрали президентом Ассоциации африканских историков, он заявил: «Мы не даем вам советов о том, как истолковывать историю Кромвеля, Наполеона, Вашингтона или кого угодно. Но мы не хотим, чтобы вы нам советовали, как трактовать историю Сундьяты»³¹.

³¹ *Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire. D'hier à demain. Paris, 1972. P. 31.* Сундьята – правитель средневекового государ-

А Альюн Диоп, выступая на Втором конгрессе негритянских деятелей культуры (Рим, 1959 г.), сказал об исторической науке: «Эта наука, несомненно, самая взрывоопасная из наук; она – любимое детище всякой национальной политики и в то же время всякой гегемонической политики»³². Можно, наверное, с ним согласиться: историческая наука действительно очень взрывоопасна. Но он, скорее всего, имел в виду европейскую историографию. В Субсахарской Африке было еще мало государств, не могло быть и гегемонической политики.

Но что бы ни говорили африканские историки, мы видели, что их сотрудничество с европейскими все же никогда не прекращалось.

* * *

Сектор Африки в Институте всеобщей истории был немногочислен, а задача – трудная. Нам помогали сотрудники других институтов и даже известный немецкий историк Г. Штоккер. Состояние исторической науки в ряде стран Западной Африки изучали Л. Е. Куббель и Н. Б. Кочакова, в Восточной – И. И. Филатова и А. С. Балезин, в Эфиопии – Г. В. Цыпкин. В разделе о Южной Африке дали разбор и трудов «белых»³³ историков.

Осенью 1979 г. мы закончили свою работу и издали монографию «Историческая наука в странах Африки»³⁴. Ей предшествовала другая наша книга: «Источниковедение африканской истории»³⁵ (она очень помогла нам и в подходе к историографии). Вскоре, по следам этих книг, вышла работа украинца Д. П. Урсу «Современная историография стран Тропической Африки. 1960–1980»³⁶.

Наши работы по изучению исторической науки в Африке были прерваны тогда же, осенью 1979 г., буквально накануне выхода нашей книги. Дирекция Института всеобщей истории на совместном заседании с партийным бюро решила упразднить Сектор Африки. Никаких обвинений нам предъявлено не было. Просто решили, что в структуре института такой сектор не нужен.

В 1984 г. руководство Отделения истории Академии наук и новая дирекция Института приняли решение: восстановить наш сектор. Он и возродился, в прежнем составе.

Но немедленно продолжить работу по изучению африканской исторической науки оказалось невозможно. Надо было участвовать в общеинститутских проектах. Надо было выполнять и другие обязательства – те, что мы прежде брали на себя и не выполнили из-за ликвидации сектора. Восстановление налаженной работы коллектива тоже потребовало времени.

Ушли из жизни Л. Е. Куббель, Д. А. Ольдерогге, Н. А. Ерофеев, Г. Штоккер и еще несколько историков, которых привлекала эта тема.

Как бы могла помочь нам Лия Оливеровна Голден! Москвичка, дочь афроамериканца, переехавшего в СССР в начале 1930-х годов, она, работая в среде отечественных африканистов, хорошо знала приезжавших в СССР афроамериканцев, включая Уильяма Дюбуа и Поля Робсона. Она немало сделала и для изучения истории африканцев в России.

В конце 1980-х годов, переехав в США, работая в Чикагском университете, Голден окунулась в среду афроамериканцев и новых эмигрантов из Африки. С ее наблюдательностью и критическим умом, сколько она могла бы нам поведать о сегодняшних взглядах афроамериканцев и новой иммиграции. Рассказывая мне о своих впечатлениях, говорила, какие они

ства Мали в XIII в.

³² *Diop A. Le sens de ce Congrès...* P. 45.

³³ В Африке термины «белые», «цветные» вполне употребительны, поэтому и мы в этой книге позволяем себе употреблять их без кавычек.

³⁴ Историческая наука в странах Африки. М., 1979.

³⁵ Источниковедение африканской истории / под ред. А. Б. Давидсона. М., 1977.

³⁶ *Урсу Д. П. Современная историография стран Тропической Африки. 1960–1980.* М., 1983.

сложные, противоречивые. Увы, суммировать и обобщить их она не успела. Вернувшись в Москву, уже тяжелобольной, скончалась. О ее впечатлениях и суждениях мы можем судить теперь только по ее воспоминаниям, изданным в Чикаго (на русский язык, к сожалению, их пока не перевели)³⁷.

С распадом Советского Союза и концом холодной войны роль Африки в геополитике стран, входивших прежде в состав СССР, заметно уменьшилась. Сократились связи с рядом государств Африки. Уменьшилось число книг африканских авторов, издающихся в переводах на русский. Прекратилось вещание московского радио на африканских языках. Все это не могло не отразиться на отечественной африканистике.

Наш Сектор Африки (изменив свое название на Центр африканских исследований) подготовил и издал не только ряд монографий, но и крупные коллективные труды: двухтомник документов об истории связей и взаимных представлений России и Африки³⁸, трехтомник «История Африки в документах»³⁹, «Историю отечественной африканистики»⁴⁰, «Историю Африки в биографиях»⁴¹, «Коминтерн и Африка. Документы»⁴², «СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений»⁴³. Опубликовали в Лондоне на английском языке двухтомник документов «Южная Африка и Коммунистический Интернационал»⁴⁴.

* * *

Вернуться к теме, работу над которой нам прервали в 1979 г., мы смогли лишь в 2010 г. Теперь она, мы уверены, стала неизмеримо важнее. Роль идей, мнений, оценок, идущих из не-Европы необычайно возросла по сравнению с 1960–1970-ми годами.

С распадом Советского Союза на его месте появились новые государства. Может быть, им, пусть даже некоторым из них, полезен какой-то опыт африканских государств, возникших за тридцать лет до распада СССР? И опыт африканских историков, создающих свои национальные истории?

С позиций сегодняшнего дня отчетливо видно, насколько работа африканских историков, проводившаяся в 1960–1970-х годах, отражала общественные настроения того времени. А определялись эти настроения тем, что африканские страны одна за другой провозглашали свою независимость. Большинство – в 1960-х годах. В середине 1970-х – все португальские колонии, в 1980 г. – Зимбабве, в 1990 г. – Намибия. Победа антиколониальной борьбы, появление новых государств создавали в Африке надежды на быстрые перемены во всех сферах жизни. Казалось, что с уходом колониальных режимов солнце свободы озарит все вокруг. Уместно, пожалуй, употребить тут слово – эйфория.

В связи со всем этим и подход к истории выражался, при многих нюансах, четырьмя-пятью связанными друг с другом направлениями. Воссоздание доколониального прошлого; разрушительная роль колониализма; борьба за освобождение; превращение колоний в государства; единство народов и стран Африки – в противопоставлении колониализму и неоколониализму.

³⁷ Golden L. My Long Journey Home. Chicago, 2002.

³⁸ Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960. Т. 1–2. М., 1999.

³⁹ История Африки в документах. Т. 1–3. М., 2005–2007.

⁴⁰ Становление отечественной африканистики. 1920-е – начало 1960-х. М., 2002.

⁴¹ История Африки в биографиях / под ред. А. Б. Давидсона. М., 2012.

⁴² Коминтерн и Африка. Документы. СПб., 2003.

⁴³ Давидсон А. Б., Мазов С. В., Цыткин Г. В. СССР и Африка. 1918–1960: Документированная история взаимоотношений. М. 2002.

⁴⁴ South Africa and the Communist International: A Documentary History. Vol. 1: Socialist Pilgrims to Bolshevik Footsoldiers, 1919–1930; Vol. 2: Bolshevik Footsoldiers to Victims of Bolshevisation, 1931–1939. London, 2003.

Но действительность оказалась сложнее, чем она виделась в период антиколониальной борьбы, и стала, шаг за шагом, предъявлять новые требования к историкам.

В 2002 г. в сборнике статей, посвященном, кенийскому историку Б. А. Оготу, другой кенийский историк Э. С. Атиено-Одиамбо написал, что десятилетие 1970-х «поставило в целом вопрос: когда же Африка встала на свой неверный путь»⁴⁵. Атиено-Одиамбо не объяснил, относит он начало «неверного пути» к постколониальному развитию или к намного более раннему. Но ясно главное: его разочарование в тех взглядах, которые были типичны в 1960-х и начале 1970-х годов.

В другом большом сборнике, изданном в 2004 г., подчеркивалось: «Ведь мы теперь в XXI столетии» и задавался вопрос: «Когда же эйфория конца XX века станет уходить?»⁴⁶

Не уверен, что к концу 1970-х, но к середине 1990-х годов от эйфории 1960-х уже мало что осталось. 1990-е обернулись трагическими для многих, если не большинства стран Черной Африки. Самые драматические события: войны в Конго и в Руанде в середине 1990-х. В Конго погибли от четырех до пяти миллионов человек, в Руанде – почти миллион. В гражданских войнах и межнациональных распрях других стран – десятки, а то и сотни тысяч.

Колониальных режимов нигде уже не было. Конечно, можно видеть в этих событиях последствия колониального господства, и в этом есть своя доля правды. Но все же целиком объяснять эти трагедии злой волей колонизаторов – трудно.

Можно предъявить такой счет «белому человеку». События в Конго и вокруг Конго были настолько страшными, что в Африке их называли Третьей мировой войной. Но в Европе они не привлекли должного внимания, как и трагедия Руанды. О них мало кто знал, телевидение, радио и газеты не били тревогу. Значит, то высокомерное отношение к Африке, которое длилось веками, еще не выветрилось. Конечно, такое отношение постыдно для Европы. Но все-таки этого недостаточно, чтобы винить Европу в войне в Конго. Там действовали и внутренние причины, как и в большинстве других недавних конфликтов в Африке.

Историкам Африки приходится реагировать на куда более сложный спектр явлений, чем это казалось в 1960-е. И всемирных, и африканских. Стремительно убыстряющаяся глобализация, конец холодной войны, быстрое усиление Востока в мировой экономике и политике. Каждое из этих явлений оказало на Африку воздействие, зачастую отнюдь не однозначное. Так, например, окончание холодной войны дало африканским странам большую самостоятельность в их действиях. Но вместе с тем в Африке распространилось мнение, что раньше Западный и Восточный блоки, борясь за влияние на африканские страны, оказывали им материальную поддержку, а с завершением этого соперничества перестали ее давать, «бросили Африку на произвол судьбы».

В самой же Африке вышли на поверхность многие глубинные противоречия. В исторической литературе всегда принято было подчеркивать, что колониализм играл на противоречиях завоеванных им народов, стравливал их друг с другом, вел политику «разделяй и властвуй». Это, без сомнения, было. Но ведь было и другое, прямо противоположное. Если в колониях идет межэтническая борьба, то как же наладить экономику и извлекать прибыль? Так что колониализм отнюдь не редко, овладев той или иной страной, стремился ослабить там местные межэтнические распри. А с приобретением независимости они возобновлялись. Так было в стране, которую британцы, завоевав, называли Южной Родезией. Там они постарались приглушить давнюю вражду между народами шона и ндебеле. А когда страна покончила с колониальным режимом и объявила себя Республикой Зимбабве, эти противоречия вспыхнули вновь, да настолько, что президент Мугабе обращался к Северной Корее с просьбой помочь ему устра-

⁴⁵ *Atieno-Odiambo E. S. Introduction // The Essays of Bethwell Allan Ogot: The Challenges of History and Leadership in Africa. Trenton (N.J.); Asmara, 2002. P. XI.*

⁴⁶ *Ola Uduku, Zack-Williams A. Reading Beyond the Post-Colonial: a cultural-socio-spatial perspective // Africa Beyond the Post-Colonial: Political and socio-cultural identities / Ed. Ola Uduku and A. B. Zack-Williams. Aldershot; Burlington, 2004.*

шить народ ндебеле. Послал против ндебеле армейскую бригаду, обученную корейцами. Расправа привела к гибели тысяч людей.

С появлением молодых государств возникли проблемы: как выстроить свою государственность и экономику; как добиться национального единства в тех государственных границах, которые достались в наследство от времен колониального раздела Африки, когда границы между колониальными владениями определялись сферами влияния, без какого-либо учета этнического фактора, и один народ оказывался разделен между колониями разных метрополий, а в пределах какой-то колонии могли оказаться части нескольких народов.

Возникла своя бюрократия, своя финансовая олигархия, своя коррупция.

Резко возросла, превратилась в многомиллионный поток эмиграция из Африки. Даже в США, по официальным данным, прибыло африканцев больше, чем когда-то перевезенных в Северную Америку в качестве рабов (до запрещения работорговли)⁴⁷. А ведь миграционный приток из Африки в США в последние десятилетия был меньше, чем в Европу.

Все это поставило новые вопросы и перед наукой в Африке. Те основные ее направления, которые определились в период распада колониальных империй и создания африканских государств, сохранились, но усложнились. И от историков ждали ответов: в чем искать исторические корни, объяснения новых явлений.

Всерьез объяснить исторические корни нынешних трудностей крайне сложно. Но ведь это, наверно, и должно быть главной задачей историков – для понимания происходящего.

И не только трагедий. А успехи? На фоне выявившихся трудностей они тоже нуждаются в объяснениях. В самые последние годы прирост ВВП во многих странах Африки после конца многих междоусобиц и гражданских войн весьма высок. Демократизация? Она, несомненно, идет. Европа возмущается тем, что парламенты в Африке еще недостаточно эффективны, выборы часто не столь уж хорошо организованы. Все это правда. Но ведь всего несколько десятилетий назад выборов и парламентов вообще не было. Если это помнить, то скорее уж надо удивляться тому, какое продвижение произошло за столь короткий срок. Тут и вопрос для историка: о причинах успехов. Только внешние: влияние европейской демократии? Или и какие-то внутренние традиции самих африканских обществ?

Как удалось ЮАР в начале 1990-х годов избежать той кровавой межрасовой схватки, которой давно ожидал весь мир? Гнев черного населения против белых за более чем трехсотлетний гнет должен был привести к взрыву. Так думали даже искушенные эксперты. Но этого не произошло. Не было погромов, поджогов. Почему? Большинство объяснений сводятся к одному – роль Нельсона Манделы и Фредерика де Клерка. Но достаточно ли таких объяснений? Ведь если бы и у черного и у белого населения не было традиций, на которые Мандела и де Клерк могли опереться, как бы эти лидеры достигли своей цели, даже при поддержке их ближайшего окружения?

Такие вопросы и есть сейчас важнейшие. Как на них отвечать?

* * *

В XXI столетии в университетах Африки – уже десятки исторических факультетов, ассоциаций историков. Множество журналов, где обсуждаются проблемы Африки, ее настоящего и прошлого. И какие только взгляды не появляются!

Вплоть до ностальгии по шестидесятым и семидесятым, по той эйфории, которая связана с Годом Африки – 1960-м, когда 17 африканских стран провозгласили себя независимыми государствами. Вот весьма известный журнал «History in Africa». Статья «Преподавание истории в Нигерии в двадцатом веке: вызовы перемен». Автор, профессор Ибаданского уни-

⁴⁷ New York Times. 21 February. 2005.

верситета, крупнейшего в Нигерии, с ностальгией вспоминает слова Кваме Нкрумы, президента Ганы, произнесенные в 1962 г., что африканцы должны «добиться полного освобождения сознания [народов Африки. – А.Д.] от всех форм господства, контроля и порабощения [колониализмом]». Автор пишет, что на этот призыв тогда откликнулись и преподаватели, и студенты. Однако потом ученые оказались среди первых, кто стали эмигрировать в США. И философия Нкрумы, Секу Туре, Ньерере, Азикиве, Аволово, Кабрала, Сенгора – лидеров стран Африки шестидесятых годов – «стала у преподавателей и студентов лишь цитатами для приобретения степеней и званий, а не идеями, чтобы понять, как должна развиваться Африка». По мнению автора, большинство студентов уже устали от политических экспериментов и от идей панафриканизма, социализма, национального и государственного строительства. Студенты «интересуются рыночными отношениями, видят свои цели совсем не так, как их предшественники»⁴⁸.

В своих суждениях этот нигерийский профессор не одинок. Что это? Извечное брюзжание пожилых людей: вот, мол, не та молодежь пошла? Но, может быть, молодежь действительно устала от постоянных лозунгов пропаганды? Может быть, те прежние идеи обветшали, а новых, объединяющих и вдохновляющих, нет?

Другой пример: статья, опубликованная в 2012 г. в «New African», тоже весьма известном журнале. Заголовок: «Как АНК предал свои основополагающие принципы»⁴⁹. Статья приурочена к 100-летию Африканского национального конгресса (ЮАР), старейшей политической партии Африки, и поэтому претендует на особую значимость. А идея: как это АНК может сотрудничать с белыми – от которых Африка, по словам автора, видела только работорговлю и расхищение человеческих и природных ресурсов. Автор ругает и Альберта Лутули, и Нельсона Манделу, президентов АНК, которые, как известно, стали и лауреатами Нобелевской премии мира.

Отход от прежних идей и даже от давних традиций всячески подчеркивают и многие другие авторы. Еще один представитель Ибаданского университета увидел удар по африканским языкам и культуре «внедрением чужеземных языков колониальных господ»⁵⁰. И относит это внедрение не к колониальному периоду, а к 1960-м годам, когда страны Африки провозглашали свою независимость. Парадоксально? Не совсем. Ведь провозглашение независимости открыло для стран Африки широкие связи с миром, а значит, и для его влияния на них. Но автору это, вероятно, не по душе.

Ностальгия отражает романтику времени, когда действительность выглядела неизмеримо проще, чем сейчас: романтику борьбы якобы единой Африки против единого врага, колониализма. Это наполняло тогда политические программы, рассуждения историков. А сейчас все больше внимания приходится уделять более прозаическим, но вполне реальным проблемам каждого из десятков возникших государств, их взаимоотношениям, локальным противоречиям и конфликтам. Им и посвящают свой труд многие историки. И анализу связей с внешним миром. И отношениям, которые возникли только недавно: с Китаем, со странами арабского мира, с Индией, с Бразилией, а также ее контактам с португалоязычными странами Африки. Появляется множество статей об этих новых проблемах. Связи с Китаем растут столь стремительно, что африканские журналы полны рассуждений об этом.

В устах Нкрумы и других лидеров борьбы за независимость «африканский подход» к истории Африки – это были призывы, лозунги. Сейчас призывы наполняются новым конкретным содержанием: выявляются, определяются, конкретизируются темы, которые должны составить основу школьных и университетских учебников. Это огромная работа для истори-

⁴⁸ *Obitayo C. Adesina*. Teaching History in Twentieth Century Nigeria: The Challenges of Change // *History in Africa*. 2006. Vol. 33. P. 31.

⁴⁹ *Matsoko Pheko*. How the ANC betrayed its founding principles // *New African*. February. 2012.

⁵⁰ *Babatunde Ayelern*. African cultural rebirth: a literary approach // *Journal of African cultural Studies*. 2011. Vol. 23. No. 2. P. 165.

ческих факультетов и ассоциаций историков. Круг обсуждаемых проблем необычайно возрос по сравнению с временами, не столь уж давними, когда таких факультетов и ассоциаций еще не было. Борьба за понимание прошлого уже не ограничивается обличениями европейской политики и европейских историков.

Все больше открываются забытые пласты истории народов Африки, события, которые помнились только сказителям, хранителям памяти былого.

В колониальный период в трудах историков, в подавляющем большинстве представителей стран-метрополий, основное внимание уделялось европейцам – колониальным деятелям и их влиянию на жизнь Африки. Теперь в трудах историков-африканцев главное место в истории отводится африканцам. Из небытия всплывают имена, которых в книгах по истории Африки еще недавно не было или они упоминались лишь вскользь.

От историков все больше ждут таких советов, которые помогут государству и обществу дать для повседневной жизни каждой из стран Африки больше названий, терминов африканского происхождения и вывести из обихода побольше тех, которые связаны с колониализмом. Почему главный город огромного Конго должен называться Леопольдвилем – в честь бельгийского монарха, который там даже никогда и не был? Почему страна, тоже немалая, именовалась просто Юго-Западной Африкой? Историков (хотя, к сожалению, и не всегда) привлекают к обсуждению переименований провинций, областей, городов, улиц. Вероятно, историков-африканцев привлекали и для переименования стран, когда они превращались из колоний в государства. Европейцев такие переименования могли и раздражать. Уходили привычные названия, надо запоминать новые, для неафриканцев малопонятные.

Нужно строить свою государственность, а у большинства новых государств границы, которые были нанесены когда-то на карту правительствами метрополий по их геополитическим сферам влияния, без учета этнического фактора. Как тут избежать междоусобиц?

Ведь как это сложно: строить и жизнь новых государств, и отношения между ними. И каждому из них – отношения с бывшими метрополиями и вообще со всем внешним миром. Как? Опыта пока мало, государства-то совсем молодые.

А проблемы многомиллионной африканской диаспоры, численность которой в Европе растет с каждым годом? И последствия огромных перемещений населения из одной страны Африки в другую – эти переселения резко усилились в последние 20 лет из-за междоусобных и гражданских войн. Как строятся сейчас и как будут развиваться в будущем отношения этих диаспор со странами, которые они покинули?

Все эти вопросы и множество связанных с ними требуют работы историков, анализа: выяснять, на каких традициях можно строить отношения. Какие неожиданности можно предвидеть, исходя из исторического прошлого? Неожиданностей современная действительность таит не меньше, а, наверное, больше, чем в колониальный и в ранний постколониальный периоды.

Хорошо, что в самые последние годы в Тропической и Южной Африке есть не только трагедии, поводы для афропессимизма. Во многих странах высокий прирост ВВП, существует многопартийность. Громадный успех народов ЮАР и их политических движений: удалось избежать кровавой гражданской войны «черных с белыми», которую предрекали многие даже весьма компетентные исследователи.

Но все же обстановку во многих странах Тропической и Южной Африки нельзя назвать стабильной, а взрывы там неизбежно отразятся глобально, как уже отразилась волна революций арабского мира.

Тем более важно знать эту обстановку, с ее историческими корнями. И знать, как ее видят изнутри ученые самой Африки.

Теперь это стало труднее, чем три-четыре десятилетия назад. Тогда, повторяю, работа историков-африканцев концентрировалась на антиколониализме и идее единства Африки.

Сейчас значение наследия колониализма все-таки уменьшается, а идея единства, при всей своей важности, разъедается межгосударственными и межэтническими противоречиями. Множественность взглядов африканских историков стала очевидной. Трудно уследить за изданиями африканских университетов, которых стало очень много. Историки находятся в плену у национализма своих государств, а государств-то – больше сорока.

Круг точек зрения, интерпретаций, связанных с историей стран Африки, стал необозрим. Издаются сборники с изложением различных взглядов на «африканскую философию»⁵¹, на развитие культурных теорий⁵².

Появилась и идея (может быть, по принципу: не перегибешь – не выпрямишь), что колониальный период надо вообще считать просто нарушением нормального, естественного исторического пути Африки. Что, в конце концов, этот период был для большинства африканских стран не столь уж долгод: менее ста лет, с конца XIX в. до 1950-х годов, и теперь африканские народы возвращаются на свой исторический путь, прерванный европейцами.

* * *

С 1980-х годов возникла и литература, именуемая себя афроцентристской⁵³. Создали ее главным образом не африканцы, а афроамериканцы – те из них, кто всячески подчеркивают свои африканские корни и даже меняют свои имена на африканские. Литература эта уже настолько обширна, что требует особого рассмотрения.

Молефи Асанте (профессор Темпльского университета Филадельфии), которого считают теоретиком афроцентризма, написал в книге «Афроцентризм»: «Мы возносимся над упадком западной науки и техники к божествам афроцентризма»⁵⁴. Он призывает к созданию «новой историографии, основанной на африканских устремлениях, надеждах и концепциях». В первую очередь считает необходимым заменить многие понятия и слова. Например, «рабское имя» заменить «африканским именем», «ощущение поражения» – «победоносными мыслями», «неуверенность – уверенностью», «негативное расовое поведение – позитивным расовым поведением», «ощущение угнетенности – ощущением победы», «сутулость – прямой осанкой», «европейскую одежду – одеждой, отражающей ваши вкусы», «связи с Европой – связями с Африкой», «поклонение европейским святыням – поклонением африканским святыням» и т. д.⁵⁵

Идеи о первородстве черной расы не новы. Они переплетаются со многим, что говорилось известными африканцами и афроамериканцами намного раньше. Да и в «Зеленой книге» Муамара Каддафи сказано: «Править миром будут черные»⁵⁶.

Но, наверное, никогда раньше не изыскивали столько аргументов и лозунгов, сколько предлагают их теперь афроцентристы. Например, в объемистой книге, которая открывается обращением к людям своей расы:

Всем африканцам,
которые борются за простую Правду:

⁵¹ The African Philosophy Reader. A Text with Readings. Cape Town, 2003.

⁵² Postcolonialisms: An Anthology of Cultural Theory and Criticism. Oxford, 2005.

⁵³ Об афроцентризме см.: Давидсон А. Б., Филатова И. И. Афроцентризм – пережиток прошлого или знамение будущего? // Мы и Они. Конформизм и образ «другого»: Сборник статей на тему ксенофобии. М., 2007. С. 134–164.

⁵⁴ Asante M. K. Afrocentricity. Trenton; Asmara, 1996. P. 81. (Асанте подал пример своим последователям, поменяв имя Артур Ли Смит, данное ему при рождении, на африканское. – А. Д.).

⁵⁵ Asante M. K. Afrocentricity. P. 101–102, 105.

⁵⁶ Каддафи М. Зеленая книга. М., 1989. С. 139.

Прежде всего – Раса⁵⁷.

Для афроцентристской литературы характерно посвящение, которое дал своей «Истории Африки» М. Асанте. Он посвятил книгу «отцам африканской истории» и назвал восемь имен африканцев и афроамериканцев⁵⁸. Естественно, встает вопрос: при всем уважении к этим историкам, можно ли забыть положительный вклад европейцев? Да и тех белых, которые называют себя африканерами, т. е. африканцами, и имеют на это право, поскольку их предки поселились там с середины XVII в.? В книге Асанте вообще трудно найти добрые слова о ком-либо из белых.

Но вправе ли африканцы, да и весь мир, забыть, например, о подвиге Альберта Швейцера? Он по своей доброй воле работал врачом в Габоне более полувека. «Я оставил преподавание в Страсбургском университете, игру на органе и литературную работу, чтобы поехать врачом в Экваториальную Африку», – писал Швейцер в конце жизни. Свое решение он объяснял «той великой гуманистической задачей, которую ставят перед нами эти далекие страны»⁵⁹.

А Оливия Шрейнер? Она – не только прекрасный южноафриканский писатель, но и яркий мыслитель. В 1908 г. она предрекала: «XXI столетие увидит мир не таким, каким он предстает на заре XX в. И проблема, которую предстоит решать нынешнему столетию, заключается в том, как достичь взаимодействия различных человеческих общностей на более широких и благотворных основах, которые обеспечили бы развитие всего человечества в соответствии с современными идеалами и современными социальными требованиями». Предлагая белым соотечественникам смотреть на будущее открытыми глазами, она предсказывала (в 1908 г.): «Не всегда европейцы будут составлять верхний слой»⁶⁰.

Афроцентризм, конечно, – реакция на укоренявшийся столетиями евроцентризм. Но и афроцентризм вызывает протест. Афроцентристов и сторонников сходных идей порой обвиняют в «расизме наоборот»⁶¹. Подобные настроения проявились и в нашей стране. В только что изданной книге «Необыкновенный расизм» ставится вопрос: «А как быть со случаями расизма по отношению к белой расе? В том числе со стороны официальных государственных институтов?»⁶²

Истоки афроцентризма можно найти в негритюде – теории, одним из создателей которой в начале 1930-х годов был Леопольд Седар Сенгор, известный сенегальский поэт, впоследствии – многолетний президент Сенегала. Негритюд – ответ на евроцентризм. В основе его – идея, что белый человек, подчинив себя технике, машинам, утратил подлинную духовность, неразрывную связь эмоционального начала с рациональным, а черный человек сохранил эту связь и потому душевно богаче.

Но идеи афроцентризма, появившись в 1980-х годах и затем распространившиеся, связаны в основном не с африканцами, а афроамериканцами.

К сугубой идеализации исторического прошлого с критикой относятся некоторые представители той африканской эмиграции, которая в самые последние десятилетия хлынула в Европу и в США.

⁵⁷ *Yurungu*. An African-Centered Critique of European Cultural Thought and Behavior. Trenton; Asmara, 1997. P. XIII.

⁵⁸ *Asante M. K.* The History of Africa: The Quest for eternal Harmony. New York, 2007.

⁵⁹ *Швейцер А.* Письма из Ламбарене. Л., 1978. С. 9.

⁶⁰ *Schreiner O.* Closer Union. Cape Town, 1909. P. 25–26.

⁶¹ *Lewis R.* Anti-Rasism: A Mania exposed. London, 1988.

⁶² *Буровский А.* Бремя белых. Необыкновенный расизм. М., 2011. С. 9.

* * *

Свидетельства африканских эмигрантов, их воспоминания, доклады, статьи – новое и важное явление в истории Африки. Правда, одно из первых свидетельств относится еще к концу XVIII в. – это книга нигерийца Олауда Экиано. Он десятилетним мальчиком был схвачен и вывезен работоторговцами. Побывал в Вест-Индии, Америке и затем в Англии, где приобрел немалую известность. Его книга переведена на многие языки, в том числе на русский еще во времена Екатерины II⁶³. Но, к сожалению, таких книг – единицы (как было бы интересно, если бы Ганнибал, генерал-аншеф русской армии и прадед Пушкина, написал мемуары!). Зато теперь! В одном лишь Бингемтонском университете (США) – две многолюдных конференции. В 1996-м – об истории тех африканцев, которые когда-то оказались в Америке как невольники, а в 2006 г. – об эмиграции нашего времени.

Изданные материалы второй конференции – более полутысячи страниц поразительно интересных свидетельств⁶⁴. Авторы-эмигранты, уже не подвластны президентам и правительствам своих родных стран, могут не бояться. И говорят искренне. Исидоре Окпево, составитель этого тома, в прошлом профессор Ибаданского университета, а в эмиграции – профессор Бингемтонского, замахнулся даже на святая святых: доколониальных африканских правителей и верховных вождей, которых теперь принято прославлять, противопоставляя европейским завоевателям. Он написал, что кое-кто из этих правителей, обладавших «абсолютной властью над жизнью и смертью своих подданных – выглядят прототипами поведения многих сегодняшних африканских лидеров». Сказал о тех, кого считает тиранами нынешней Африки: «...Можем ли мы, честно говоря, клеймить колониализм за ужасные преступления этих лидеров?» А о периоде работоторговли: предложил не забывать, что африканцы нередко сами «продавали других африканцев белым торговцам»⁶⁵.

Высказанная здесь идея сравнения вождей прошлого с лидерами сегодняшними, несомненно, заслуживает внимания и может помочь анализу исторических корней жизни нынешних африканских государств.

Вообще Африканское зарубежье – миграция последних десятилетий на Запад – оказывает влияние на настроения, образ мыслей в Африке, особенно у интеллигенции. Это влияние пока еще мало изучено и в самой Африке, и на Западе. Но стоит хотя бы упомянуть, что крупнейшие африканские писатели – нигерийцы Чинуа Ачебе и лауреат Нобелевской премии по литературе Воле Шойинка, кениец Нгуги ва Тхионго и ряд других годами живут в США и в Европе.

Африканцы зарубежья более свободны от диктата правителей их родных стран. От тех, кто считает, что управляя настоящим, он вправе управлять и прошлым. Правда, не исключено, что африканцы-эмигранты бывают вынуждены потакать настроениям тех стран, куда они попали.

Громадное впечатление в Африке произвела судьба Барака Обамы. Люди не очень помнят, что отец Обамы ушел из семьи, когда сыну было два года, и его воспитывала семья матери-американки. Но о том, что отец Обамы – кениец, все помнят. Знают и помнят, что много африканцев среди наиболее знаменитых спортсменов западных стран; что африканцы проявили

⁶³ Жизнь Олауда Экиано...

⁶⁴ *The New African Diaspora* / ed. I. Okpewho and Nkiru Nzegwu. Bloomington, 2009. См. также: *The New African Diaspora in North America: Trends, Community Building, and Adaptation* / Eds. B. K. Takyi and J. A. Arthur. New York, 2007; *Creese G. The New African Diaspora in Vancouver: Migration, Exclusion and Belonging*. Toronto, 2011.

⁶⁵ *The New African Diaspora* / ed. I. Okpewho and Nkiru Nzegwu. Bloomington, 2009. См. также: *The New African Diaspora in North America: Trends, Community Building, and Adaptation* / Eds. B. K. Takyi and J. A. Arthur. New York, 2007; *Creese G. The New African Diaspora in Vancouver: Migration, Exclusion and Belonging*. Toronto, 2011. Ibid. P. 7, 11.

себя даже в науке и технологии и что осевший в США нигериец Филип Эмиагвали стал сверх-профессионалом компьютерного дела. Что президент Клинтон назвал его «одним из великих умов информационной эпохи»⁶⁶.

Многочисленное Африканское зарубежье стало важным мостом связи Африки с Западом. Правда, взаимные впечатления на этом мосту нередко весьма неожиданны. Например: некоторые афроамериканцы не хотят принимать в свою среду недавних эмигрантов, видя в них потомков тех, кто когда-то продавал работникам предков нынешних афроамериканцев.

Но какие бы ни были сложности в жизни Африканского зарубежья, оно стало заметной составляющей современного мира.

* * *

Как подвести общий итог развитию исторической мысли в десятках государств Черной Африки? А можно подвести общий итог развитию исторической мысли в государствах, родившихся на территории СССР – от Эстонии до Таджикистана?

Но главное все же очевидно: за время, прошедшее с создания государств, с появления научных и учебных учреждений, т. е. всего за несколько десятилетий, историческая наука в Африке преодолела немалый путь. Отошла от исходной позиции резкого противостояния исторической науке Европы. Конечно, и сейчас некоторые из африканских историков хотят идти по самому простому пути, испытанному во многих странах мира: идеализировать прошлое своих народов, а все плохое приписывать внешним силам или внутренней оппозиции, связанной с внешними силами. Но этот путь отнюдь не стал всеобщим.

Историческая мысль Африки стала неотъемлемой частью всемирной исторической науки. Без ее достижений уже невозможно судить о проблемах прошлого, да и о современной жизни многих народов и государств. И о судьбе Африканского зарубежья, которое уже ошутимо дает о себе знать в Европе и Америке, не говоря уже о самой Африке.

Более того, вопросы исторического и современного развития, обсуждаемые сейчас в Африке, имеют общемировое значение. Они – часть проблем, присущих сейчас всему миру в результате распада империй и создания почти полутора века государств. Эта коренная перемена в истории человечества произошла на глазах ныне живущих поколений. Она настолько объемна, необозримо велика, что, конечно, до ее всестороннего понимания сегодняшнему человечеству еще далеко. И изучение опыта одних областей мира должны помогать пониманию ситуации в других. Но на пути сопоставления опыта стоит многое. Прежде всего – извечное желание каждого из народов и государств подчеркивать свою специфику: мы особенные, еще и еще раз особенные. И все же, каковы бы ни были особенности каждого народа и каждой страны, с каждым годом растут не только взаимосвязи и взаимозависимость, но, хотелось бы думать, и осознание сходства ряда тенденций исторического развития.

Это полезно для понимания прошлого и настоящего даже тех народов, которые живут вдали от африканских берегов. В чем-то, может быть, полезно будет и для сравнения с опытом государств, родившихся после распада Советского Союза.

Но если изучение африканской исторической науки сейчас стало важнее, чем 40 лет назад, то оно стало и неизмеримо сложнее. Настолько сложнее и труднее, что не случайно в изданной в Москве в 2010 г. двухтомной энциклопедии «Африка» нет статьи «Африканистика», хотя в изданных в 1963 г. и 1986 г. энциклопедических словарях «Африка» такие

⁶⁶ The New African Diaspora / ed. I. Okpewho and Nkiru Nzegwu. Bloomington, 2009. См. также: The New African Diaspora in North America: Trends, Community Building, and Adaptation / Eds. B. K. Takyi and J. A. Arthur. New York, 2007; Creese G. The New African Diaspora in Vancouver: Migration, Exclusion and Belonging. Toronto, 2011. Ibid. P. 7, 31.

статьи были: в издании 1963 г, написанная И. И. Потехиным, в 1986 г. – А. А. Громыко и В. А. Субботиным.

Да, в Африке стало намного больше исторических научных и учебных учреждений и организаций, а также печатных изданий. Общественно-политические воззрения в странах Африки неизмеримо многообразней, чем это было когда-то, в первые годы после появления новых государств. Множественность этих воззрений отразилась на историках.

Основой исторических исследований в период борьбы против колониального господства и в первые десятилетия после обретения независимости были общеафриканские проблемы. Но затем, к концу XX в. и особенно теперь, в начале XXI в., все больше внимания уделяется изучению регионов и отдельных стран. Нельзя сказать, что историки уже совсем разошлись по национальным квартирам, но все-таки страноведческие вопросы играют все большую роль.

Еще недавно было намного легче, чем сейчас, выделить наиболее значимые имена в когорте африканских историков. Их труды были более сопоставимы, потому что многие из них концентрировали свое внимание на одних и тех же или весьма сходных проблемах.

Сейчас и число историков, и сферы их деятельности настолько разнообразны, что сопоставить значение их исследований уже сложно.

Так что, прежде всего, знакомясь с современной исторической наукой в Африке – коллективными и индивидуальными трудами, журналами, материалами научных конференций, – видишь необозримость этого огромного поля. Для сравнения подчеркну опять: как обозреть состояние исторической науки на всем «постсоветском пространстве» и определить общие черты ее развития во всех государствах, родившихся после распада Советского Союза? Я что-то таких работ не видел.

Но оглядеть в целом состояние исторической науки во всей Тропической и Южной Африке – разве это легче? Думаю, труднее. Государств в два с лишним раза больше. Многообразие подходов и взглядов – тоже.

Так что и эта моя статья, и вся наша книга – подход к огромной теме, рассмотрение тех ее аспектов, о которых, как нам кажется, мы можем судить уже сейчас.

В какой-то мере мы могли опереться на опыт работы, проведенной нами в 1970-х годах. Но мы вели ее сорок лет назад. Тогда мы видели в сущности лишь первые два десятилетия значимого роста африканской исторической науки.

Какие же соображения хотелось бы высказать сейчас?

Естественно, один из первых вопросов, когда речь идет о любом историческом явлении: какую можно увидеть периодизацию в его развитии?

Если говорить о той исторической науке, которую африканцы считают своей, т. е. созданной африканцами, то можно предложить такую периодизацию.

Первый период – с конца XIX в. до середины XX в. Появляются первые историки-африканцы. Их мало, и почти все они не вооружены профессиональным образованием. Они делают попытки дать историю своего народа или группы народов и опровергнуть многие утверждения европейцев.

Второй – с 1950-х до начала 1990-х годов. Значительно растет число африканцев – профессиональных историков. Они сосредотачивают усилия на таких направлениях: восстановление доколониального прошлого (нередко с его идеализацией); разоблачение преступлений колониализма; создание истории антиколониальной борьбы и пантеона ее героев; история рождения новых государств: единство Африки. Осмысление задач ее народов в борьбе против колониализма и империализма – за их общее будущее.

Третий – с начала или середины 1990-х годов до сегодняшнего дня. Это период, когда эйфория, родившаяся в конце 1950-х и в 1960-х годах, уже иссякла и на смену ей пришли поиски исторических корней тех трудностей, которые стало испытывать каждое из африканских государств.

Четко провести водораздел между вторым и третьим периодами трудно. Одни историки отошли от эйфории и оптимистической романтики раньше, другие переосмыслили прошлое лишь после охвативших Африку в середине 1990-х годов гражданских войн и межэтнических конфликтов, и самых трагичных из них – в Конго и Руанде.

На путь становления исторической науки, который занял в Европе сотни лет, а если отсчитывать от Античности, то и больше, Африка встала сравнительно недавно, на глазах живущих ныне поколений. Этот путь Африки связан со всеми перипетиями близкой нам современной глобализации.

Труды историков-африканцев очень важны для становления исторической памяти африканских народов. Ведь до прихода европейцев такой памятью были только предания. Они передавались устно. Записывать их – и далеко не все, а лишь некоторые – стали европейцы, обычно миссионеры. Записывали на свой лад, исходя из своих евроцентристских взглядов. В школах, созданных европейцами, на уроках по истории рассказывалось не об Африке, а об управляющих ею метрополиях. К европейским статьям и книгам об Африке африканцы могли относиться с недоверием. Так что роль историков-африканцев, когда они появились, оказалась тут чрезвычайно важна. В их трудах читатели могли искать факты, собранные в копилку исторической памяти.

Представления сегодняшних африканцев в значительной мере складываются под влиянием этих работ. Роль современных историков в процессе формирования исторической памяти оказалась в Африке неизмеримо больше, чем на Западе, в России, да и в таких странах, как Китай. Африканские историки конструируют историческую память своих народов.

* * *

Для нашей книги мы выбрали ряд вопросов, обсудить которые сочли не только необходимым, но и посильным. Дать представление о восьмитомной «Всеобщей истории Африки» – крупнейшем из всех когда-либо изданных исследований африканского прошлого. О взглядах панафриканистов и афроцентристов. Об исторической мысли в трудах ранней африканской интеллигенции. О становлении исторической науки в Эфиопии и ряде других стран. О взглядах Кваме Нкрумы и их влиянии на историческую мысль в Африке. О подходах к истории в художественной литературе.

Конечно, этим отнюдь не исчерпывается круг всего, что можно назвать исторической мыслью в Африке. Тем более что круг этот непрерывно расширяется.

Мы не тешим себя надеждой, что достаточно поняли взгляды африканцев на прошлое человечества и на прошлое и современную историю их собственных краев, где народов и государств больше, чем в Европе, да и населения больше. Ведь в этих взглядах отражено все их духовное наследие. Самонадеянно было бы думать, что мы смогли глубоко в это проникнуть!

На что же мы надеялись, работая над книгой?

Что мы чуть пошире приоткроем дверь в мир исторических представлений африканцев, внесем свою лепту в усилия тех, кто призывает Европу лучше понимать не-Европу. Ведь хотя Европа и борется со своими предрассудками, все-таки живет она взглядами, такими ей родными, но так ли уж сближающими ее с остальным человечеством?

Хорошо ли мы представляем, каким видится этот путь из Африки? И разве только из Африки? А из Китая, Индии, арабского мира?

В пределах Российской империи и Советского Союза россияне жили вместе с украинцами, казаками, азербайджанцами, эстонцами и другими народами, у которых сейчас свои государства. Как общее прошлое видится из Ташкента, Баку, Еревана, Риги? Из Киева? Да, это видение может не совпадать с московским. Но знать-то надо. Понимать друг друга, и как можно яснее, лучше. Мы – ближайшие соседи, нам вместе жить, бок о бок. Так стоит ли закрывать

глаза на разницу в объяснениях прошлого? Все равно придется обсуждать, выяснять – иначе ведь не прийти к взаимопониманию.

И как отражается это разное видение на конфликтах между народами и государствами?

Нас, тех, кто живет на постсоветском пространстве, это касается напрямую. Азербайджан и Армения спорят из-за Нагорного Карабаха, и каждая из сторон ссылается на свои исторические права. Армяне и азербайджанцы на протяжении жизни ряда поколений находились в пределах одного государства: Российской империи, а затем – СССР, но, как выяснилось теперь, видят историю по-разному. Во взаимоотношениях государств бывшей советской Центральной Азии взгляды на свои исторические взаимоотношения тоже не совсем одинаковы. Да если говорить и в целом об историческом прошлом Российской империи и Советского Союза, разве нет сейчас разногласий между историками государств, возникших на этой огромной территории?

К такой общечеловеческой проблеме надо находить пути со всех сторон. Мы, авторы этой книги, шли с африканской стороны. Но проблема касается всего мира, и знание опыта любой группы государств может помочь другим.

Это делает еще важнее изучение африканской исторической науки. Заканчивая книгу, мы убеждены в значимости этой темы еще больше, чем когда за нее принимались.

Мы будем продолжать эту работу. И призываем наших коллег-историков еще внимательней отнестись к тому, как из бывших колоний и зависимых стран мира видится их прошлое и вся всемирная история.

© Давидсон А. Б., 2013

С. В. Мазов. Историческая тематика в работах Джозефа Кейсли Хейфорда

Джозеф Эфраим Кейсли Хейфорд (1866–1930 гг.) родился в Кейп-Косте, Золотой Берег (ныне Гана), в семье методистского священника. Получил редкое по тем временам для африканца образование: окончил лучшую миссионерскую школу Золотого Берега, университет Фура-Бей в Сьерра-Леоне, изучал право в Сент-Питер колледже в Кэмбридже и во «Внутреннем Темпле» в Лондоне, где получил диплом адвоката в 1896 г. Вернулся в Золотой Берег и занялся адвокатской практикой.

Кейсли Хейфорд был многогранным и талантливым человеком, который добился успехов на многих поприщах. Он по праву считается одним из создателей национальной прессы Ганы. В 1885–1896 гг. сотрудничал в газетах Золотого Берега «Western Echo», «Gold Coast Echo», «Gold Coast Chronicle». В 1902 г. основал с друзьями «Gold Coast Leader», бессменным редактором которой оставался до конца жизни. Авторы газеты критиковали произвол колониальных чиновников Золотого Берега, рассказывали о деятельности политических организаций колонии, воспитывали любовь к национальной культуре, освещали положение в других частях Африки, жизнь афроамериканцев в США и Вест-Индии. Номера «Gold Coast Leader» попадали в Лондон, где привлекли внимание корреспондента журнала «Русское богатство» Исаака Шкловского: «Вот, например, последний номер “Gold Coast Leader”, выходящей в Аккре на Золотом Береге (Западная Африка). В передовой грозно обличается губернатор. Населению “надоела бездарная, путающая все бюрократия”. Местная власть, говорится в газете, “в своей тупости упорно прет напрапом, не желая считаться с интересами населения”»⁶⁷.

Преуспел Кейсли Хейфорд и в политике. Он был одним из основателей Общества защиты прав аборигенов Золотого Берега (ОЗПАЗБ) (1898 г.), первой ганской политической организации, куда вошли представители разных народов. Кейсли Хейфорд первым из африканцев попытался воплотить в политическую практику идеи panaфриканизма. Он стал инициатором создания Национального конгресса Британской Западной Африки (1920 г.), первой политической организации, выражавшей интересы образованной элиты нескольких африканских колоний – Золотого Берега, Нигерии, Сьерра-Леоне и Гамбии.

Кейсли Хейфорд больше известен как политик и журналист⁶⁸. Как о мыслителе о нем знают меньше. Видимо, потому, что за ним утвердилась репутация одного из последователей и популяризаторов идей первого идеолога культурного национализма Уилмота Блайдена (1832–1912 гг.). Пропаганда взглядов Блайдена, которого Кейсли Хейфорд называл «наиболее выдающимся мыслителем, принадлежащим к черной расе»⁶⁹, не помешала ему стать оригинальным мыслителем. Он высказал собственное суждение по всем насущным вопросам, волновавшим африканцев с европейским образованием в конце XIX – начале XX в. В том числе по истории Африки и ее месте и роли в мировой истории.

Кейсли Хейфорда нельзя назвать профессиональным историком. Его книги – это публицистика или художественная литература. Наличествующие там экскурсы в историю и рассуждения на исторические темы подчинены или текущим задачам автора как политика или

⁶⁷ «Русское богатство». 1905. № 6. С. 118.

⁶⁸ *Ofosu-Appiah L. H. Joseph Ephraim Caseley Hayford: the Man of Vision and Faith. Accra, 1975; Ugonna Nnabuyenyi. Introduction to the Second Edition // Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound: Studies in Race Emancipation. London, 1969 (1911); Esseiu-Udom E. U. Introduction to the Second Edition // Casely Hayford J. E. The Truth about the West African Land Question. London, 1971 (1913); Мазов С. В. Парадоксы «образцовой» колонии. Становление колониального общества Ганы. 1900–1957 гг. М., 1993. С. 51–57, 116–127.*

⁶⁹ *Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 162.*

пропаганде идей культурного национализма. Исторический материал представлен в работах Кейсли Хейфорда шире, чем в трудах его друга и единомышленника юриста Джона Сарбы. Но почему-то в единственном обобщающем отечественном исследовании о становлении исторической науки в Африке Сарбе уделено довольно много места, а Кейсли Хейфорд не упомянут вовсе⁷⁰.

Заняться историческими изысканиями Кейсли Хейфорда заставили политические обстоятельства. В 1897 г. Законодательный совет Золотого Берега принял билль о земле, который ограничивал права вождей на землю и лишал их доходов от земельных сделок⁷¹. Юридически он ставил африканцев в положение арендаторов собственной земли у британской короны. Руководство ОЗПАЗБ, созданного для борьбы против билля, поручило Кейсли Хейфорду, молодому адвокату, недавно вернувшемуся из Лондона, доказать его юридическую несостоятельность. Кейсли Хейфорд проштудировал документы колониальной администрации Золотого Берега и многотомные синие книги, где были собраны документы и материалы, касавшиеся Британской Западной Африки, работу Сарбы об обычном праве фанти⁷². Он подготовил петицию, которую делегация Общества вручила в Лондоне министру колоний Джозефу Чемберлену. «Колониальный Джо» был вынужден согласиться с аргументами Кейсли Хейфорда, земельный билль не был внесен на рассмотрение британского парламента.

Итогом кропотливой работы Кейсли Хейфорда с историческими и юридическими документами стали не только политические успехи. В 1903 г. он выпустил книгу о политических и социальных институтах народов Золотого Берега и истории их взаимоотношений с Великобританией⁷³. В 1911 г. вышла «Освобожденная Эфиопия» – художественное произведение, написанное на стыке нескольких жанров – памфлета, фантастики, антиутопии. В нем много аллюзий, подражательства «Путешествиям Гулливера» Джонатана Свифта. Однако до великого сатирика Кейсли Хейфорду далеко. Его опус – не литература высокой пробы. Сквозной сюжет отсутствует, характеры только обозначены, нет жизни, развития, язык тяжеловат. Складывается впечатление, что литературные достоинства не особо волновали автора. Его цель – пропаганда идей культурного национализма через наставления, которые дает своему сыну и другим собеседникам главный герой Кваманкра. Он – во многом автобиографический персонаж, который словом, делом и образом жизни олицетворяет авторский идеал образованного африканца, посвятившего жизнь делу «возвращения своего народа к первозданной простоте и вере предков»⁷⁴.

⁷⁰ Кочакова Н. Б. Историки-африканцы в английских колониях Западной Африки в XIX в. Национальные историографии Ганы и Нигерии // Историческая наука в странах Африки / под ред. А. Б. Давидсона. М., 1979. С. 92–93.

⁷¹ Потехин И. И. Становление новой Ганы. М., 1965. С. 130–131; Kimble D. A Political History of Ghana. The Rise of the Gold Coast Nationalism, 1850–1928. Oxford, 1963. P. 354.

⁷² Sarbah J. M. Fanti customary laws: a brief introduction to the principles of the native laws and customs of the Fanti and Akan sections of the Gold Coast, with a selection of cases thereon decided in the law courts. London, 1897.

⁷³ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions with Thoughts upon a Healthy Imperial Policy for the Gold Coast and Ashanti. London, 1970 (1903).

⁷⁴ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 75.

Африканцы – «не дикари без прошлого»

Кейсли Хейфорд истово боролся с евроцентристскими представлениями об африканцах, замешанными на имперском высокомерии и расизме, яростно полемизировал с авторами, которые изображали Золотой Берег как кусок африканского «царства тьмы», населенного «дикими» племенами с «варварскими обычаями». «Бедные ашантийцы, – иронически обобщал он европейские описания Конфедерации Ашанти⁷⁵, – они погружены в грубое варварство. Человеческие жертвоприношения, набеги за рабами, нарушения договоров [с европейцами] – для них обычное дело»⁷⁶.

Кваманкра много рассуждает на исторические темы. Он мечтает о создании в Золотом Береге «национального университета», где будет кафедра истории. И он станет преподавать там «всеобщую историю, уделяя особое внимание роли, которую Африка сыграла в мировых делах», доказывая, что «Африка была колыбелью мировых религий и философских систем», что ей «нечего стыдиться сравнительно с другими нациями на земле». И еще он сделает кафедру местом, где «пересматриваются современные ошибочные представления об Африке», и «в африканцах воспитывается самоуважение»⁷⁷.

Кейсли Хейфорда доказывал, что европейцы в Золотом Береге «имеют дело не с дикарями без прошлого, которые стремятся просто скопировать иностранные институты». В подражательстве нет нужды, поскольку аканы – народы, населяющие побережье и центральную часть Золотого Берега, – еще до прихода европейцев, «незванных гостей, которые повели себя как хозяева», самостоятельно создали «столь же эффективную и совершенную государственность, как и самые передовые нации»⁷⁸.

Суть традиционной политической системы аканов Кейсли Хейфорд определял как «выборное представительство». Вождей всех уровней, от главы деревни до верховного правителя, выбирали советы. Советы были выборными органами. Так обеспечивалось «участие всех граждан в управлении». Советы ограничивали власть вождей, у них не было возможностей «править автократическими методами». Совет мог сместить любого вождя, для отстранения от власти верховных правителей проводились «плебисциты». Верховные правители, «цивилизованные монархи», были «первыми среди равных». Их советы – это «великие народные парламенты», где представлены «все слои общества, от низших до самых верхов». Аканские политические институты составляли «гармоничную систему, где не было внутренних распрей и очагов напряжения», и все граждане были «совершенно довольны, поскольку любой вопрос, затрагивавший их жизненные интересы, подлежал обсуждению»⁷⁹.

Справедливо было устроено и аканское общество. Оно состояло из двух классов – свободных и рабов. Свободные – те, «чьи предки были коренными жителями Золотого Берега, и кто мог проследить свою родословную вплоть до далекой прапраматери», – составляли «подавляющее большинство». Свободный акан – это «свободный человек в полном смысле этого слова. Он может быть избран на любой значимый пост в политической структуре, среди своих собратьев он всегда ходит с высоко поднятой головой, как бы беден он ни был»⁸⁰.

Рабов было куда меньше, чем свободных, да и рабство было не таким, «как в Древнем Риме или в истории афроамериканцев». У аканов существовало домашнее рабство, когда

⁷⁵ О ней см.: Понов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990.

⁷⁶ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 12.

⁷⁷ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 194–195.

⁷⁸ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 128–129.

⁷⁹ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 32–43, 66, 126, 249–254.

⁸⁰ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 81–82.

«хозяин был человечным и внимательным», нередко считал раба «членом семьи и относился к нему соответствующим образом». Должник отдавал родственника в рабство в качестве залога, но обязан был «выкупить его при первой возможности», а если не делал этого, то он и его семья «считались опозоренными навсегда». Порой рабам так хорошо жилось, что после освобождения они предпочитали оставаться у «рабовладельцев». Рабство у аканов – это всего лишь удобная при отсутствии письменности форма «регистрации» долга, сделка, где нет идеологии: «Система рабства в Золотом Береге порождена не варварским духом порабощения своих соплеменников, она выполняет функцию гарантии возвращения долга, услуги за услугу в виде оказанной во время нужды помощи»⁸¹.

А чем же тогда было продиктовано участие африканцев в весьма прибыльной работорговле? Историческую вину за нее Кейсли Хейфорд возложил на европейцев. Он объявил жертвами и вывезенных из Африки рабов и тех, кто захватывал их во время войн и продавал европейским работорговцам. Доказательства этому неоспоримы и монументальны – европейские форты на побережье Золотого Берега: «Большинство из них были построены в семнадцатом столетии, когда португальцы, французы, англичане, голландцы и датчане занимались отвратительной торговлей рабами. Форты, конечно, были в первую очередь загонами для рабов или местами временного хранения живого товара перед его отправкой на плантации Нового Света. Компании, зарегистрированные правительствами нескольких европейских держав, жестко конкурировали на рабовладельческом рынке. А африканцы постепенно осознавали, сколь ужасна торговля людьми и единодушно ее ненавидели. Поэтому и возникла необходимость строить форты для защиты»⁸².

От кого? Неужто от возмущенных ужасами работорговли воинственных ашантийцев, поставлявших в форты живой товар в изрядном количестве за звонкую монету и огнестрельное оружие?! Этот вопрос автор оставляет без ответа.

Кейсли Хейфорда не смущало очевидное несоответствие описанных им совершенных аканских государств историческим реалиям. Его интерпретация исторического и этнографического материала определялась контрпропагандистскими и политическими соображениями. С вынужденно-нарочитой самоуверенностью он создавал в противовес евроцентристским мифам новый миф о «золотом веке», где жизнь была сплошной идиллией.

Тогда убедительнее звучали доводы против апологетики британской колониальной экспансии. Кейсли Хейфорд утверждал, что усилия верховного правителя Конфедерации Ашанти сохранить ее единство «военными или другими способами» оправданы и совершенно законны. Этот «естественный процесс самосохранения» «предвзятые и мало осведомленные писатели представили как регулярные набеги за рабами». С таким же успехом «войнами ради захвата рабов можно назвать войну между Севером и Югом в Соединенных Штатах или борьбу на Британских островах за сохранение территориальной целостности Великобритании»⁸³. Рассуждения о «нецивилизованности» ашантийцев «есть чистое лицемерие. За ними скрывается только лишь желание британских капиталистов прикарманить богатства Ашанти»⁸⁴.

Опираясь на «славное прошлое», легче было критиковать колониальное настоящее.

⁸¹ Casely Hayford J.E. Gold Coast Native Institutions... P. 82–84.

⁸² Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 136.

⁸³ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 19–20.

⁸⁴ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 269.

Время черного человека

Начало колониального раздела Африки и европейского проникновения на западноафриканское побережье Кейсли Хейфорд изложил в форме притчи. Когда-то в древние времена нации мира собрались на совет⁸⁵. Там были представлены все, кроме «эфиопов», т. е. африканцев⁸⁶. Тех, чьи «царства раскинулись от берегов Средиземного моря, где оно омывает побережье Ливии через великую пустыню, охватывая огромные пространства от океана до океана, простираясь в самые отдаленные области, населенные кафрами, расой могучих людей». Эти нации, «которые в добрые старые языческие времена воевали друг с другом по-настоящему, как мужчины», теперь освоили новый вид войны – «дипломатию». Непосвященным объясняли, что перемены продиктованы «духом их общей религии, которая проповедует всеобщее братство и призывает перековать мечи в орала». Африканцев, как нехристиан, это не касалось. Африку приговорили к разделу: «И сказали они: “Мы умножили наши знания и силу, мы братья и больше не можем уничтожать друг друга. Мы должны жить. Наученные инстинктом самосохранения, мы должны обеспечить нашим детям и внукам пространство, где они будут жить и процветать. Сейчас перед нашим воинством лежит Эфиопия, раскинувшаяся от моря до моря. Вперед, давайте разделим ее между нами”. О том, как это сделать, договорились быстро: “Давайте пойдем к эфиопам и научим их нашей религии, и они станут нашими материально и духовно, мы завладеем их землями, товарами – всем и навсегда”»⁸⁷.

Вскоре «могущественный принц, приплывший со стороны, куда заходит солнце, бросил якорь» у берегов Африки, омываемых Гвинейским заливом. У него не было «ни свиты, ни оружия, ни внешних символов власти». Только «простой крест и дары». Африканцы, «Сыны Ночи», окружили его, испытывая трепетное благоговение, для них пришелец был богом. Дары пришлись им по душе, а «напиток белого человека показался им нектаром». Африканцы разделились на два лагеря – на «проницательных» и «толпу», и это понравилось «странному пришельцу».

По его повелению прибыли новые заморские учителя, которые обращали африканцев в свою веру. И чем больше распространялось их учение, тем больше возникало среди африканцев враждовавших между собой групп. Пришли времена, когда «безмозглая толпа превзошла себя в подражании белым. Подражатели поклонялись Мамоне, а думали, что молятся истинному Богу. Они забыли, что они африканцы».

Боги долго смотрели на это и собрались, чтобы «уничтожить сделанное смертными». И сказали боги: «Нации завоевателей не ведают что творят. Разве африканцы не самобытный народ, которому определено сыграть свою роль в мире? Покончим с человеческими кознями!»⁸⁸

От притчи Кейсли Хейфорд переходит к историческим фактам. Чтобы доказать, что европейский колониализм – не богоугодное дело.

Насколько поведение колонизаторов-христиан в отношении аборигенов, которых «иногда милостиво называют “подчиненными расами”, соответствует христианским нормам морали?» – задается он вопросом. Христианские миссионеры – «визитная карточка» европей-

⁸⁵ Видимо, имеется в виду выступление португальского короля Афонсу V 8 января 1455 г. в Кафедральном соборе Лиссабона, в котором он оповестил иностранных торговых представителей о булле папы Николая V «**Romanus Pontifex**». Булла объявляла войну всем нехристианам, обосновывала права португальцев на завоевания в Западной Африке как «первооткрывателей», санкционировала работорговлю.

⁸⁶ Кейсли Хейфорд был эфиопанистом. Он ассоциировал Эфиопию с Африкой, ссылаясь на Библию: «Придут вельможи из Египта; Эфиопия прострет руки свои к Богу» (Пс. 67:32). Подробно см.: *Ugonna Nnabuyenyi*. Op. cit. P. XXIII–XXIV.

⁸⁷ *Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound...* P. 157–158.

⁸⁸ *Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound...* P. 159–160.

ской цивилизации, ее передовой отряд, первая «цивилизаторская» сила, с которой столкнулись колонизируемые народы. Библия шла впереди флага. Миссионеры преподавали туземцам «главные уроки правды, любви и братства в духе Евангелия, рассчитывая, что те станут уважать и слушаться белых».

Проповедуя десять заповедей, миссионеры особенно налегали на восьмую – «Не укради», надеясь, что воспитают у туземцев уважение к собственности. За Библией, как водится, появился флаг метрополии, а вместе с ним и европейские торговцы, которые «раньше прятались за углом». Их поведение было далеко не христианским. Колонизируемые испытали «глубокий культурный шок» и стали платить «христианам» той же монетой: «коварство за коварство, обман за обман». И вот уже в обмен на разбавленные спиртные напитки европейцы стали получать разбавленное пальмовое масло⁸⁹.

Еще одно проявление «христианской любви» европейцев к «черным братьям» – проблема рабочей силы. Черные, считают европейцы, должны осознавать, что «Провидение предназначало им в своей стране работать на белых». Аборигенов насильно сгоняют в «трудовые поселения, где они, подобно древним израильтянам, должны трудиться на своих хозяев». Живущие в шахтерских поселках африканцы «теряют связь с обычаями предков», с «Матерью-Землей». Взамен «многих прекрасных достоинств, воспитываемых земледельческим трудом», они получают «прелести» европейской цивилизации – торгующие спиртным лавки и увеселительные заведения⁹⁰. Иронизируя по поводу евроцентристских рассуждений о бремени белого человека, Кейсли Хейфорд писал о тройном бремени черного человека: «бремени соблазна пить джин, соблазна посещать публичные дома и терпеть глумливое лицемерие соблазнителя»⁹¹.

Кейсли Хейфорд называл насаждаемую европейцами цивилизацию «бедствием, настоящей раковой опухолью, которая медленно, но неотвратимо пожирает жизненно важные органы чернокожих людей». Он сравнивал колониализм с титанической и повседневной «разрушительной работой, которая ведется среди бела дня, но, выражаясь метафорически, скрытно, под покровом ночи». Европейец, «могучий титан», не убивает жертву одним ударом. Это было бы «слишком грубо». Он действует более изощренно: «Держа бутылку джина в одной руке и Библию в другой, европейец провозглашает свое моральное превосходство над африканцем. В глубине души европейец сознает, что при существующих условиях африканец не может достигнуть его уровня, но использует это как предлог для того, чтобы разделять африканские племена, устанавливая границы между колониями, отчуждать у африканцев землю, присваивать их товары, разрушать устои их государственного устройства и традиционных институтов»⁹².

Кейсли Хейфорд намеренно игнорировал созидательные, цивилизаторские аспекты колониализма. Он сознательно сводил его роль к тотальной деструкции, чтобы убедительнее прозвучали его призывы заменить «провальную» и «недальновидную» колониальную политику на «здоровую имперскую политику»: «Теперь, раз уж британцы оказались среди нас, целью просвещенного правительства должно стать обеспечение здорового национального развития тех, кем оно правит. Надо сохранять, а не разрушать народные институты. Поскольку в прошлом действия властей были больше направлены на дезинтеграцию, нежели на сохранение, у нас есть право заявить им: “Вы дезорганизовали наши институты, вы должны помочь воссоздать их. Вы украсили свои дома предметами роскоши благодаря эксплуатации Золотого Берега, вы должны помочь нам восстановить наши дома. Вы сделали здесь королевские состояния, вы должны помочь нам спокойно жить в своих виноградниках и под своими смоковницами”.

⁸⁹ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 232–233.

⁹⁰ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 236–237.

⁹¹ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 149.

⁹² Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 149, 169.

Пришло время, когда власти на Даунинг-стрит должны в основном ограничиться функциями внешнего управления, оставив внутреннее самоуправлению народу, который будет развивать самобытные черты своих институтов. <...> Мы говорим вам: “Мы горим желанием принять участие в соревновании наций, которые стремятся к высоким идеалам, только дайте нам шанс разработать собственную концепцию спасения”»⁹³.

Кейсли Хейфорд был убежден, что только с помощью Европы Африке удастся быстро преодолеть отсталость, рассматривал европейскую опеку как единственный шанс для африканских народов «занять достойное место среди мировых наций». Отсюда его многочисленные заверения в лояльности британской короне, рассуждения о преимуществах, которые дает западноафриканцам британское управление. Он призывал власти метрополии предоставить африканцам право участия в управлении колониями, уважать их культуру и политические институты, покончить с расовой дискриминацией. «Умоляю, – обращался он к британцам, – дайте нам мир, спасите нас от внутренних розней и нестабильности, сделайте так, чтобы мы спокойно жили в той части земли, где мы оказались по воле Провидения»⁹⁴. Он приветствовал колониализм, но такой, которого не могло быть, – колониализм, являющийся абсолютным благом для африканцев и безболезненно приобщающий их к прогрессу.

⁹³ *Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound...* P. 6–7.

⁹⁴ *Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions...* P. 235.

«Черная опасность»? «Желтая опасность»? «Белая опасность»!

Колониальный вопрос для Кейсли Хейфорда неотделим от расовой проблемы. «Когда в истории, – вопрошает он, – кавказцы⁹⁵ относились к неграм или монголам – к черному, желтому или коричневому человеку – в духе всеобщего братства, как учил нас в Евангелии Иисус Христос, когда кавказцы видели в их странах не только рынки сбыта и источники природных ресурсов, а поднимали другую расу до уровня развития и степени свободы своей расы?»⁹⁶ Вопрос для автора риторический. Он рассматривал отношения между расами сквозь призму эволюционизма Герберта Спенсера, британского философа, чьи идеи были весьма популярны в конце XIX – начале XX в. Христианские принципы несовместимы с естественным отбором.

«Что означает “желтая угроза”?» – спрашивает Кваманкра его сын-подросток Экра Квоу. Ответ следует обстоятельный. Отец объясняет, что на земле существуют белая, желтая, красная и черная расы. Каждая из них занимает определенную территорию. К примеру «те, кто живет на маленьких островах где-то в районе Ла-Манша», зовутся англичанами. А еще есть японцы, «эти храбрые парни», индейцы, африканцы. Большинству рас приходится бороться за самосохранение, их отношения, по Спенсеру, определяются принципом «выживает наиболее приспособленный». Выжившие – это те, кто «лучше других сопротивляются».

Сопротивляться приходится «... определенным нациям, которые называют себя христианами и претендуют на монополию в культуре, знаниях и цивилизованности, и, следовательно, полагают, что наделены Богом правом жить и преуспевать, а удел остальных – находиться под их господством. Те, кто стремится властвовать, преимущественно белые. Когда же коричневые, желтые или черные сопротивляются и демонстрируют нежелание подчиняться, белые христиане начинают истерически вопить: “Желтая угроза” или “Черная угроза” в зависимости от ситуации».

Русских Кейсли Хейфорд причисляет к этой бесславной когорте самозванных претендентов на мировое господство. «Почему ты называешь японцев храбрыми парнями?» – задает вопрос Экра Квоу. Ответ очевиден, идет русско-японская война: «Они сейчас сражаются с русскими, они доказывают, что не собираются подчиняться кому бы то ни было, и это вызывает истерику по поводу “желтой угрозы”». Самим японцам в праве обладать империей Кейсли Хейфорд не отказывает, напротив, лишь бы под их цивилизаторскую длань попадали только азиатские народы. Кваманкра достает свой альбом газетных вырезок, находит букву «Я» и читает отрывок из речи, произнесенной в Палате пэров японского парламента: «Наш священный долг как самого прогрессивного государства Азии протянуть руку помощи Китаю, Индии и Корее, всем азиатам, которые нам доверяют и способны к цивилизованному развитию. Мы, их более сильный сосед, хотим, чтобы они освободились от европейского рабства и доказали миру способность Востока скрестить мечи с Западом на любом поле брани». Эти слова, считает Кваманкра, содержат принцип, который он хотел бы внушить сыну «на уровне подкорки», чтобы тот руководствовался им всю жизнь⁹⁷.

Русских Кейсли Хейфорд считает азиатским народом, но цель их территориальной экспансии – не цивилизаторская миссия и помощь угнетенным, как у Японии, а подавление других народов. Разъясняя сыну суть «Восточного вопроса», Кваманкра свел этот самый сложный сюжет мировой политики к проискам России: «Все это с самого начала было делом рук русских. Когда-то они занимали угол Малой Азии, не имея выхода к Северному, Балтийскому и Чер-

⁹⁵ Здесь и дальше речь идет о белой расе.

⁹⁶ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 234.

⁹⁷ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 107–110.

ному морям. И вот пришло время, когда император Петр Великий разработал идею экспансии в направлении Крыма и на север к Балтийскому морю. Потом русская императрица Екатерина II стала осуществлять мечту Петра, и с тех пор это стало национальной политикой Русского Медведя». Так во времена императора Николая I дело дошло до Крымской войны, в которой Россия была агрессором, волком из известной басни, а Турция – ягненком. Кейсли Хейфорд признает, что турки «плохо обращались с христианами Греческой православной церкви во владениях султана» (славяне не в счет?), но это не умаляет борьбы Турции за «самосохранение», которую русские считают «мусульманской угрозой»⁹⁸.

Кровожадный медведь – стереотипный образ России, созданный британской прессой во времена Большой игры и использовавшийся как жупел «русской угрозы» для мусульман⁹⁹. Нет ничего удивительного, что его усвоил и Кейсли Хейфорд, но его взгляд на раздел мира принципиально отличается от позиции британского патриота.

О поведении европейских держав, вступивших в союз с Османской империей против России, автор попросту умалчивает. Европейцы против европейцев, белые против белых? А как же простая и ясная схема: стремящаяся к господству белая раса против других рас? Русские и англичане, утверждает Кейсли Хейфорд, одним миром мазаны, как белые хищники. Джон Буль так же агрессивен в отношении «более слабых рас», что и Русский Медведь. Взять хотя бы опиумные войны с Китаем. «Всем христианским нациям Европы, – внушает Кваманкра сыну, – свойственна ошибка самоутверждения, ни одна не может сдерживать криков “желтая угроза” или “черная угроза”, когда они сталкиваются с сопротивлением в той или иной форме. Как будто они в одной руке несут дарованную Богом привилегию, а в другой – индульгенцию на ограбление и покорение остальных»¹⁰⁰.

Что будет, если «борьба за выживание» небелых рас превратится в «самоутверждение», т. е. в стремление к господству? Эту очевидную проблему Кейсли Хейфорд не обсуждает.

Его мучает незавидное положение черной расы, больше других пострадавшей от белых хищников: «Африканцу, где бы он ни находился, угрожает двойная опасность. Такое положение является следствием экономических условий, когда африканец подвергается эксплуатации, где это только возможно. Его заставляют служить человеку, вполне определенному человеку, кавказцу. Пока будет так, он никогда не сможет воспользоваться в полной мере плодами своего труда как человек. Он участвует в строительстве тротуаров, по которым ему может быть и не придется пройти. Считайте это метафорой или фактом, как хотите. Он обеспечивает налоговые поступления для наполнения казны, расходы средств из которой он в большинстве случаев не контролирует должным образом, если контролирует вообще. Коротко говоря, на нем стоит клеймо принадлежности к низшей касте среди рас, и любая попытка подняться выше отведенного ему места встречает негодование аристократических рас. Ему постоянно напоминают, что предел его возможностей – быть дровосеком и водоносом»¹⁰¹.

Единственный выход – разработать «собственную концепцию спасения». Невозможно игнорировать опыт восхождения других рас, но нельзя превращаться в имитаторов. Примером, достойным подражания, Кейсли Хейфорд считает Революцию Мэйдзи в Японии, поскольку залог успеха японской модернизации – опора на традиции и сохранение культурной самобытности: «Японцы по необходимости заимствовали и усваивали западную культуру, но это не помешало им заставить Запад уважать их. В японце есть что-то особенное, восточное. Начать с того, что он используют свой родной язык, у японцев есть своя литература, обогащенная пере-

⁹⁸ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 115–117.

⁹⁹ Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

¹⁰⁰ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 117–118.

¹⁰¹ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 168–169.

водами зарубежных классиков. Японец уважает институты и обычаи предков, он вдохновляется мудростью прошлого. Он не отказывается от национального костюма, а если и надевает западный наряд, то для удобства, совсем как шотландец, находясь за границей, снимает горный костюм, когда этого требуют обстоятельства»¹⁰².

Подобно Японии, считал Кейсли Хейфорд, Африка должна синтезировать свои достижения и все лучшее, что было создано в мире: «Африканец должен преуспеть не только в овладении искусствами и науками, в освоении технических специальностей. Он должен вести научные исследования, которые откроют путь к его национальной сокровищнице знаний и достижений»¹⁰³. Только так, оставаясь самими собой, можно встать на путь прогресса и «занять достойное место среди мировых наций».

Опыт афроамериканцев по приобщению к цивилизации Кейсли Хейфорд оценивал негативно. Он провел принципиальное различие между «афроамериканской» (Букер Вашингтон, Уильям Дюбуа) и «африканской» (Уилмот Блайден) школами общественной мысли. Согласно первой «чернокожий стремится проявить себя как существо, способное духовно и материально развиваться в соответствии с представлениями о прогрессе среди белых» и в итоге им уподобиться. Б. Вашингтон хотел «обеспечить рост материального благосостояния черного человека в Соединенных Штатах». Дюбуа – «добиться его социального освобождения в среде неблагоприятной для развития черной расы». Африканская школа утверждает, что «чернокожему уготована более грандиозная миссия – найти свое место в общечеловеческой семье в соответствии со своими природными и национальными особенностями»¹⁰⁴.

Вслед за Блайденом Кейсли Хейфорд резко критиковал представителей афроамериканской школы. Комментируя размышления Дюбуа в романе «Души черного народа» о двойственности сознания негров как африканцев и американцев, он пишет: «Очевидно, что Дюбуа рассуждает как американец, живущий среди американских реалий. Это, конечно, не его беда, другого мира он не знает. Он африканец, родившийся в Америке, великой империи доллара, где безудержно возвеличивается индивидуализм, где слабый сам вынужден заботиться о себе, а его мольбы о помощи не волнуют тех, кто оседлал удачу. Он опутан обстоятельствами, которые делают невозможным стремление к высшим идеалам».¹⁰⁵ Результат печален: «средний афроамериканец, живущий в Соединенных Штатах, потерял всякую связь с прошлым своей расы и беспомощно, безнадежно бредет на ощупь в темноте в поисках братьев по духу среди тех, кто для этого не годится по естественным и национальным причинам»¹⁰⁶.

В Америке, считает Кейсли Хейфорд, у «черного человека нет шансов». Он живет в «чуждой, мертвящей среде». Формально получив свободу, он остается «духовным рабом»¹⁰⁷. Единственный способ для афроамериканцев обрести себя – вернуться «из изгнания» в Африку, «на скалу, из которой их всех когда-то высек Отец всех наций». Там они будут «учиться, чтобы разучиться всему, чем замутила им головы иностранная софистика». Все «мыслящие афроамериканцы» должны «припасть к духовным истокам, к «свежим струям и фонтанам Африки, которые освежат их мозги». Только тогда их охватит страсть к духовному восхождению»¹⁰⁸.

Кейсли Хейфорд отстаивал химерическую идею Блайдена о том, что афроамериканцы не могут и не должны жить в США и обязаны вернуться в Африку. Время показало неправоту Блайдена и его последователей. В споре двух школ победила афроамериканская.

¹⁰² Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 170.

¹⁰³ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 170.

¹⁰⁴ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 163, 164.

¹⁰⁵ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 182.

¹⁰⁶ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 172.

¹⁰⁷ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 247; Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 181.

¹⁰⁸ Casely Hayford J. E. Ethiopia Unbound... P. 164, 165.

Кейсли Хейфорд не только пропагандировал, но и творчески развил сформулированные Блайденом «некоторые основополагающие принципы африканского национализма»¹⁰⁹. В 1961 г. один из исследователей эпистолярного наследия Кейсли Хейфорда пришел к выводу, что в нем «содержатся все основные идеи и идеологемы современной африканской общественной мысли»¹¹⁰. Его работы до сих пор актуальны и востребованы. Книга о традиционных институтах Золотого Берега выдержала одиннадцать изданий (последнее в 2003 г.), «Освобожденная Эфиопия» – девять (последнее в 2003 г.)¹¹¹.

Рассуждения Кейсли Хейфорда на исторические темы стали частью идейного арсенала современных афроцентристов. Взять хотя бы «идею, что иноплеменники не могут познать и понять твой народ» или «идею, что до чужих вторжений жизнь твоего народа была сплошной идиллией»¹¹². Или противопоставление белых всем остальным расам, столь модное среди «черных националистов и черных левых радикалов» в США¹¹³.

© Мазов С. В., 2013

¹⁰⁹ Френкель М. Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М., 1977. С. 156–157.

¹¹⁰ *Ugonna Nnabueyi*. Op. cit. P. XX.

¹¹¹ <http://worldcat.org/identities//ccn-n50-25037>

¹¹² Давидсон А. Б., Филатова И.И. Исторические пласты афроцентризма // *Рах Африка: континент и диаспора в поисках себя* / под ред. А. Б. Давидсона. М., 2009. С. 32.

¹¹³ Литинский А. Л. Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в. // Там же. С. 79.

Кейсли Хейфорд о колониальной политике европейских держав¹¹⁴

Если у христианских наций существует политическая мораль или хотя бы ее видимость, то позволительно осведомиться, насколько действия христианских стран в отношении аборигенных рас, которых порой милосердно называют подчиненными расами, соотносятся с нормами христианской этики?

Современная история свидетельствует о том, что нации руководствуются разными принципами. Люди задаются вопросом: «Кто мой сосед?», и когда получают тот ответ, который дается в Евангелии, они спрашивают себя: «А забочусь ли я о брате своем?»

Поскольку в реальной жизни мораль и политика не совместимы, позвольте обратиться к некоторым фундаментальным идеям, которые возникают в этой связи у аборигенов.

Позвольте мне предположить, что первое, с чем сталкивается ум аборигена, когда он оказывается лицом к лицу с европейской цивилизацией, это проповедь христианства. Для европейских государств является обычной практикой, когда Евангелие Иисуса Христа идет впереди флага. Миссионер рассказывает, какое влияние в современных условиях пример Христа оказывает на формирование жизненных принципов и характера личности. Он рассказывает о главных уроках правды, любви и братства, изложенных в Евангелии, которые находят живой отклик у местной паствы, вызывают у нее уважение и готовность им следовать. Миссионер надеется воспитать паству в духе десяти заповедей. Особое внимание он уделяет шестой (*sic*) заповеди: «Не кради», которая, как он считает, станет основой для уважения местными жителями права собственности. Какое будет несчастье, воображает он, если придет европейский флаг, а эта заповедь не будет усвоена!

И со временем появляется флаг, а вместе с ним, не таясь, купцы и торговцы, которые раньше действовали исподтишка.

Представления о правде, сложившиеся у аборигенов, оказались грубо попранными. Торговцы не всегда ведут дела честно. И вот местный житель начинает фальсифицировать пальмовое масло в ответ на фальсифицированные спиртные напитки, которые ему предлагают. Иноземная власть издает законы против мошенничества туземцев, а это несправедливо. Хитрость за хитрость, обман за обман – вот это честная игра. Когда я должен терпеть обман со стороны соседа, а он мой нет, – это как удар ниже пояса, что вовсе не аллегория.

Ранняя стадия знакомства иноземной власти с местными жителями – это то, что для приличия называют протекторатом. Нынче термин «протекторат» означает зависимость слабого от сильного. Поскольку Евангелие Иисуса Христа, которому обучены аборигены, провозглашает братство всего рода человеческого, а туземец принадлежит к такому роду (вы должны признать это, нравится вам это или нет), то протекторат должен обозначать зависимость слабого брата от сильного. Факты говорят о другом. Тот самый миссионер, что проповедует Евангелие с его принципами всеобщего братства, отказывается признавать черного человека, культурного или некультурного, равным себе. Он смотрит на туземца свысока и считает, что тот должен знать свое место. Он намерен всего лишь немного поднять уровень туземца, чтобы тот приносил больше пользы белому брату, ловчее рубил для него дрова и носил ему воду. Сам белый считает недостойным для себя выполнять эту работу. В этом бремя черного человека. Пусть читатель честно задаст себе вопрос: «Когда на протяжении всей истории белая раса относилась к негроидной или монголоидной расам – человеку с черной, желтой или коричневой кожей – в духе братства, как учит Евангелие Иисуса Христа? И ставило во главу угла в отношениях с

¹¹⁴ Casely Hayford J. E. Gold Coast Native Institutions... P. 231–239.

другими расами не стремление расширить рынки сбыта и завладеть природными богатствами, а желание поднять их до уровня развитости и свободы, достигнутого белой расой?»

К вопросу о рынках сбыта и природных ресурсах. Среди европейских держав едва ли найдется такая, которая не боролась бы за сферы влияния в районах богатых золотом и алмазами, особенно если у коренного населения нет пулеметов «максим», которые еще называют Длинным Томом. Зов золота вызывает дух раздора. Любовь к золоту несовместима с любовью к человеку, ибо разве не любовь к золоту есть корень всех зол? О, если бы туземцы не обладали тем, что нужно белому человеку, или он мог бы достать надобное, не нарушая разом шестую и восьмую заповеди, неужели тогда белый человек горячо любил бы братьев-туземцев, живущих на негодных землях? Конечно, это ошибочное впечатление! Но Иисус Христос стремился все это изменить, а вы называете себя Его последователями, христианскими нациями мира.

Воистину мировая история подошла к моменту, когда пришло время перековать мечи на орала. Но если миром будет править вражда, мы просим вас, поверните оружие против самих себя. Умоляем, дайте нам мир, спасите нас от внутренних раздоров и смуты, позвольте нам жить среди наших виноградников и смоковниц в той части планеты, куда нас поместило Провидение.

Конечно, в политике Англии можно найти и признаки честной игры. Ваша политика в отношении слабых рас не такая уж скверная, чтобы вызвать у нас негодование и заставить нас думать, что вы ничем не отличаетесь от других колониальных держав. Мы верим и надеемся, что ваша поврежденная мораль будет исправлена и вы пойдете правильным путем. Мы видим и ценим ваши усилия по гармонизации интересов тех, для кого национальная выгода является высшим приоритетом, и тех, кто ратует за всесторонний прогресс и развитие зависимых территорий. Видим мы и ваши недостатки. Мы наблюдаем с болью в сердце среди прочего, как в неумной тяге наполнить колониальную казну, вы уделяете мало внимания тому, что обеспечивает рост материального благосостояния аборигенов, чьими трудами главным образом и наполняются ваши денежные сундуки, забывая о том, что благополучие большинства – залог успешного управления.

Мы видим, какие вы прилагаете усилия для создания в Золотом Береге территориально-административных образований и укрепления своей власти, но нам ясно, что в итоге у вас ничего не получится, потому что вы встали на неверный путь. В Ашанти, как и повсюду, вы возводите здание на песке, а не на каменном фундаменте, пройдет немного времени, и дожди смоют его. Это неизбежно должно произойти, если я прав в том, что судьбы наций с математической точностью определяются невидимой Силой.

Если вы действительно стремитесь улучшить материальное положение людей, вы должны убрать препятствия, мешающие их прогрессу. Какую роль они играют в управлении собственной страной? Кого назначают на высокие посты и кто получает высокие зарплаты? Конечно, их белые братья. Почему? Потому что они компетентны, а местные нет? Снова и снова, как в стародавние времена, туземцы трудятся в поте лица своего, а европейцы, знай себе, загребают деньги. Когда европейцам приходится работать, они, случается, учатся опыту у местных. Европейцы овладевают профессиональными секретами, и аборигены становятся ненужными. Социальная лестница, которая им уготована, ведет вниз. Вот такая братская любовь напополам с местью! Мы знаем, что надо только указать на такие явления, и Англия все исправит.

Возьмем хотя бы проблему рабочей силы. Она дорога сердцу европейца. Здесь его любовь к черному брату предстает во всей красе. Черный человек осознает, что доброе Провидение создало его для того, чтобы обеспечивать европейцев рабочей силой в стране черного человека. И он делает, что ему предначертано. Это достигается двумя путями. Если он не подчиняется природному инстинкту, его поместят, если на то будет необходимость, в трудовое поселение и заставят работать, подобно тому, как древних израильтян заставляли работать на хозяев. Его надсмотрщика не интересует, что он, местный житель, теряет все связи с обычаями предков,

с тем, что делало их довольными жизнью мужчинами и женщинами, когда они возделывали землю и нежно извлекали из нее то, чем их щедро одаривала Мать-Земля. Никого не волнует, что он променивает лучшие человеческие качества, которые воспитывает сельскохозяйственный труд, на постоянное пьянство, сквернословие и буйное веселье в шахтерских поселках. Многие равнодушно взирают, как лучшая часть мужского населения страны отвлекается для работы на шахтах, в то время как издревле возделываемые земли приходят в запустение, остаются необработанными, а продовольствия становится все меньше и меньше. Золото! Золото! Золото! Вот чего жаждет белый человек и готов добывать его любой ценой.

Находятся сердобольные люди, которые предлагают такой выход. Если нельзя заставить работать черного человека и поместить его в трудовое поселение, надо ввезти китайцев. Джон Китаец – последняя надежда Джона Буля. А разве вы не слышали, как один из привезенных при покойном губернаторе Максвелле китайцев сказал, что Золотой Берег «не подходит» ни для белых, ни для черных, ни для китайцев, ни даже для собак? Он немного неправ. Золотой Берег «подходит» и будет «подходить» для коренных жителей Золотого Берега. Так уж преопределил Господь. Пройдет много времени после того, как владельцы ваших горнорудных компаний прекратят свои огромные спекуляции на биржах, и на месте нынешних шумных шахтерских поселков будут леса, где кедр, хлопковые деревья, деревья *одум* и *дубен* протянут свои божественные ветви к небесам. А коренные жители Золотого Берега будут мирно выращивать ямс и кукурузу, как это делали их предки, исполненные чувства благодарности за то, что наконец они могут найти собственный путь спасения. Может так случиться, что ваше правительство устанет от бремени белого человека, когда справедливое Провидение укажет, в чем оно действительно заключается, и с отвращением от него откажется.

Поистине, история повторяется. Разве вы не слышали о католических монастырях в сердце Африки с великолепными фресками и рисунками, которые разрушились до основания. Езжайте вдоль побережья от Ассини до реки Вольта и посчитайте, сколько замков и крепостей, символов жадности европейцев, сейчас являются обителью сов и летучих мышей, они оказались бессильны против смекалки коренных жителей. Сегодня вместо замков вы строите бунгало, строения, которые можно возвести за несколько недель, их при желании можно разобрать и увезти с собой. Да, дорогие наши друзья и защитники, мы хорошо знаем, что, если завтра вы сочтете, что игра не стоит свеч, вы прикроете здесь свой бизнес, и вам все равно, что будет с черным человеком или его страной. Для вас это будет легко. Нам это принесет неисчислимые потери – в том смысле, что нам придется начинать все сначала, независимо от того, будете или не будете вы навязывать нам свою искаженную версию проповедуемых в Евангелии любви, правды и всеобщего братства.

© Перевод на русский язык С. В. Мазова, 2013

Н. Г. Щербаков. От истории негров к истории африканских народов: этапы трудного пути

История предлагает мало примеров, когда насильственно оторванные от родных краев люди, образовавшие многочисленные диаспоры в сложных и – чаще всего – враждебных условиях, на протяжении нескольких столетий упорно стремились бы к восстановлению отношений с исторической родиной, не пытаясь при этом туда вернуться и не зная по-настоящему, что же представляет собой эта утраченная земля исхода. Несколько столетий трансатлантической работорговли и сто с лишним лет постепенно усиливающейся миграции народов африканского происхождения создали такую уникальную ситуацию. Сегодня за пределами Африканского континента проживает несколько десятков миллионов человек, для которых Африка со всеми ее недостатками и завоеваниями – притягательный центр.

С рубежа XIX–XX вв. сообщества народов африканского происхождения в странах Северной, Центральной и Южной Америк начали ощутимо менять свое лицо. К африканоамериканцам¹¹⁵ стали добавляться выходцы из африканских колоний, эмигрировавшие по разным причинам с континента. Это усилило уже давно существовавший интерес к истории и текущим событиям в Африке со стороны тех, кто мог ассоциировать себя с ней из-за антропологических черт, унаследованных от предков-рабов. В этот период история Африки в общественном сознании черных народов вне континента все еще оставалась чужой историей.

После Второй мировой войны волна деколонизации вынесла и в Западное полушарие, и в Западную Европу множество новых африканцев. В отличие от африканоамериканцев и африкано-европейцев, в той или иной степени ассимилированных белым обществом, вновь прибывавшие имели реальные связи с нарождавшимися независимыми африканскими государствами. Многие из них надолго задерживались в странах эмиграции, не разрывая этих связей и образуя тем самым неофициальные «представительства» своих стран в далеких от Африки государствах. На этот раз история континента начала входить в историю бывших метрополий и других стран через историю диаспор. История образования и развития таких диаспор и их влияния на страну происхождения пока по-настоящему не изучена, она активно развивается и необыкновенно усложняется. Взять хотя бы удивительные возможности мгновенного взаимного информирования диаспор и стран происхождения, возникшие в процессе развития мировых компьютерных сетей.

Справедливо ли считать, что история изучения Африки исследователями-африканоамериканцами стала частью африканской историографии? Каким образом такие исследования влияли на саму историю континента? Что больше всего интересовало историков-африканоамериканцев при изучении «исторической родины»? Кому из них в наибольшей степени удалось понять историю своих братьев по крови? Для того, чтобы хотя бы частично ответить на эти вопросы, полезно обратиться к работам наиболее известного у нас в стране (не только в среде профессиональных историков и африканистов) африканоамериканского исследователя Уильяма Эдварда Бургхардта Дюбуа (1868–1963 гг.)¹¹⁶.

¹¹⁵ «Афроамериканец» – наиболее распространенный в отечественной исследовательской литературе термин, обозначающий население США, имеющее африканские этнорасовые корни. Об истории формирования см.: *Нитобург Э.* США: цветной барьер в прошлом и настоящем // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 42–56. В настоящее время его вытесняет более корректный термин «африкано-американец». Зарубежные исследователи и публицисты (начиная с 1970-х годов) используют термин «черное население» и производные, трудно приживающиеся в русском языке из-за нежелательных коннотаций. – *Прим. авт.*

¹¹⁶ Значительное литературное наследие У. Дюбуа позволяет многим авторитетным исследователям считать его прежде всего крупным африкано-американским писателем. См.: *Гайсмар М.* Цикл прозы // Литературная история Соединенных Штатов Америки / под ред. Р. Спиллера и др. М., 1979. С. 442.

В отечественной африканистике существует не так много имен зарубежных исследователей, чей авторитет и научная репутация не менялись бы по мере изменений приоритетов для самой африканистики. С давних времен в такой условный «пантеон» помещено имя Уильяма Дюбуа. В СССР судьба этого африканоамериканца оказалась тесно связана с судьбой Института Африки РАН, поскольку он явился невольным инициатором его создания¹¹⁷. Правда, следует помнить, что концепция изучения Африки, предложенная Дюбуа в начале 1960-х годов, по понятным причинам так и не получила реального воплощения в исследовательской практике этого центра.

В первом издании энциклопедического справочника «Африка» (1963 г.) автором статьи об этом безусловно выдающемся африканоамериканце стал сам директор Института Африки и главный редактор издания И. И. Потехин¹¹⁸. Дюбуа был назван «известным американским историком», подчеркивались его заслуги в международном движении сторонников мира и противодействии маккартизму. Следует отметить, что к моменту выхода энциклопедии Дюбуа уже два года находился в Республике Гана (о чем упоминается в очерке) и в августе того же года скончался там в возрасте 95 лет. И в этой, и в более поздней статье в переиздании энциклопедического словаря в 1986 г.¹¹⁹ он был назван в первую очередь историком, занимавшимся изучением Африки и народов африканского происхождения. Такая же обязывающая профессиональная характеристика дается ему и в последнем издании этого словаря (2009 г.)¹²⁰. Но во всех случаях авторы затруднились дать ссылки на какие-то конкретные труды по истории, в основном подчеркивая исторические заслуги У. Дюбуа в других областях исследовательской деятельности и в развитии общественных движений.

Стремление считать У. Дюбуа прежде всего историком, в 1960-х годах – американским, позже, в соответствии с появлением новой системы оценок, – африканоамериканским, и борцом за мир вполне объяснимо. Отечественным африканистам в советское время невозможно было согласиться с тем, что он прежде всего – социолог (в соответствии с нынешней номенклатурой научных дисциплин он в наибольшей степени должен был бы считаться социальным антропологом), большую часть жизни изучавший американское, точнее, негритянское общество не с позиций классового подхода, а с точки зрения его расового состава и тех расовых противоречий, которые в наибольшей степени определяли содержание всех происходивших в нем перемен. Дюбуа – общественный деятель был значительно «удобнее» для характеристик и оценок. Последние пятнадцать лет его жизни пришлись на бурную послевоенную эпоху, годы быстрых и глубоких перемен в системе советско-американских отношений. В этот период многими поступками он реабилитировал свои прежние общественно-политические взгляды, неясные и во многом неприемлемые для советской африканистики. Ведь помимо предосудительного социологизаторства он активно участвовал в деятельности Социалистической и Либеральной партий США. С началом Первой мировой войны он занял позиции американского патриота, предложил забыть все внутренние расовые и классовые противоречия для разгрома Германии с союзниками. А вот к концу жизни он стал коммунистом, почти демонстративно вступив в 1961 г. в компартию США. Пробыв несколько лет до этого «невъездным», так как в результате обвинений маккартистов госдепартамент аннулировал его паспорт, в самом конце 1950-х годов Дюбуа вновь стал активно ездить по миру. Пользуясь гостеприимством своих недавних соратников по антиколониальным выступлениям, в частности К. Нкрумы, Дюбуа одним из первых негритянских общественных деятелей посетил независимую Гану. Сделав ставку на участие в движении сторонников мира, он получил возможность вновь, спустя тридцать

¹¹⁷ Мазов С. В. Неизвестная история создания Института Африки АН СССР // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 1. С. 80–88.

¹¹⁸ Потехин И. И. Дюбуа // Африка. Энциклопедический справочник. М., 1963. Т. 1. С. 352–353.

¹¹⁹ Голден Л. О. Дюбуа // Африка. Энциклопедический справочник. М., 1986. Т. 1. С. 485.

¹²⁰ Голден Л. О. Дюбуа // Африка. Энциклопедический справочник. М., 2009. Т. 1. С. 794–795.

лет, посетить СССР, познакомился с новыми странами Восточной Европы и увидел по-настоящему поразивший его Китай. По результатам всех этих визитов он много писал, выступал по радио. Дух таких выступлений и статей вполне соответствовал ожиданиям новых друзей Дюбуа в странах Восточного блока. В вышедшем на русском языке в 1962 г. сборнике статей, образовавших своеобразную автобиографию, Дюбуа в полной мере «рассчитался по долгам», образовавшимся в трудный период гонений. Тогда ему были присуждены Международная премия Мира (1953 г.) и Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» (1959 г.), в определенной степени поддержавшие репутацию патриарха за пределами США. В начале 1960-х годов он не стеснялся в выражениях: «Были люди, которые кричали, что Америка должна править миром. Из этого ничего не получилось, потому что мы не умеем править даже собственной страной»¹²¹. Китай и СССР Дюбуа предложил в качестве образца не только для освобождавшейся в начале 1960-х годов Черной Африки, но для всех империалистических стран, которые он призывал «либо обанкротиться, либо встать на социалистический путь развития»¹²².

Убеждения У. Дюбуа, лежавшие в основе подобных призывов, не дискредитировали его не только по причине объяснимой снисходительности к возрасту. В наиболее подробном отечественном исследовании африканоамериканского общества есть такая оценка: «В течение своей долгой жизни У. Дюбуа не раз ошибался и менял свои точки зрения, когда убеждался в их неправильности»¹²³. Не исключено, что продолжение социалистического эксперимента, если бы Дюбуа было дано его увидеть, заставило бы его изменить свои оценки и прогнозы...

Для очень многих соотечественников жизнь У. Дюбуа, безотносительно к отношению к его политическим позициям, сама по себе представляла историю африканоамериканцев. Для его зарубежных друзей и противников биография этой общественно-политической фигуры стала историей взаимоотношений народов африканского происхождения во всем мире. Младший друг и коллега У. Дюбуа, известный африканоамериканский поэт, писатель и драматург Лэнгстон Хьюз, так характеризовал место своего единомышленника в истории: «Многие тысячи из моего поколения выросли, вдохновляясь написанными и высказанными словами д-ра У. Э. Б. Дюбуа, так что мне естественно считать себя столь же вдохновленным. Мои самые ранние воспоминания о написанном – это о словах Дюбуа и Библии. Моя бабушка... читала мне, ребенку, из Библии и журнала «Crysis». А первой книгой, которую я прочел сам, была «Души черного народа». Годами позже мои ранние стихи были приняты для публикации в «Crysis», который редактировал д-р Дюбуа. Кажется, что так или иначе я знал д-ра Дюбуа всю мою жизнь. Своей работой он стал частью моей жизни»¹²⁴.

Упомянутый Л. Хьюзом журнал «Crysis» был создан в 1910 г. В это время Дюбуа, уже достаточно известного африканоамериканского исследователя негритянского общества США, пригласили стать членом руководства создававшейся Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН), являющейся сегодня старейшей общественно-политической организацией черного населения Америки. Тогда он стал единственным черным в составе правления НАСПЦН – все остальные члены руководства были белыми представителями различных религиозных, филантропических и исследовательских организаций или фондов. Главной задачей НАСПЦН считала борьбу с расовой дискриминацией во всех видах. В начале века стало остро необходимым отзываться как на ее усиление в районах нового расселения негритянского населения, мигрирующего с юга США, так и на растущее стремление цветного населения бороться с этим явлением всеми доступными способами. Воз-

¹²¹ Дюбуа У. Э. Б. Воспоминания. М., 1962. С. 518.

¹²² Дюбуа У. Э. Б. Воспоминания. М., 1962. С. 494.

¹²³ Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк. М., 2009. С. 147.

¹²⁴ Black Titan: W. E. B. Du Bois. An Anthology by the Editors of Freedomways / eds. J. H. Clarke et al. Boston, Toronto, 1970. P. 8.

главив печатный орган НАСПЦН журнал «Crysis», Дюбуа за достаточно короткий срок довел его тираж с одной до ста тысяч, сделал его ежемесячным и наиболее читаемым в среде африканоамериканского населения. В первом номере журнала в редакционной статье У. Дюбуа подчеркнул, что журнал: «... будет фиксировать важные события и процессы в мире, относящиеся к великой проблеме межрасовых отношений, особенно тех, которые воздействуют на негроамериканцев»¹²⁵.

В арсенале научно-исследовательских достижений этого человека было несколько учебных степеней. В отличие от многих своих современников цветного происхождения он сумел получить высшее образование и эти научные степени без особенной борьбы. Не имея средств, будучи светлокочим мулатом, он, тем не менее, удачно использовал помощь благотворительных организаций и уже к 25 годам, пройдя через множество промежуточных этапов (в том числе интенсивно обучаясь в Берлинском университете в 1892–1894 гг.), стал первым негром, получившим по окончании Гарварда степень доктора философии (Ph.D) по истории. Его диссертация была посвящена истории развития и запрета трансатлантической работорговли, но продолжить исторические исследования по завершении образования ему не удалось. Несмотря на то что он стал членом созданной незадолго до этого Национальной ассоциации американских историков, главное внимание вплоть до начала Первой мировой войны года он уделял социологии африканоамериканского общества. Его главная работа в этой области – «Филадельфийский негр» (1899 г.) и последующие ежегодники Атлантического университета, в которых он был автором многих разделов и главным редактором («Негры в бизнесе», «Негритянская церковь», «Экономическая кооперация у американских негров», «Семья у американских негров»), сделали его наиболее авторитетным исследователем «цветной» Америки не только среди африканоамериканских ученых того времени.

Еще в 1897 г. в своей переписке с крупнейшим общественно-политическим негритянским деятелем этого периода Букером Вашингтоном Дюбуа признавал, что «если Негр и станет фактором в мировой истории, то только через паннегритянское движение»¹²⁶. Внимание к происходившему в то время в Африке привело его в число организаторов первой международной конференции, где оказались представлены народы африканского происхождения и было начато использование термина «панафриканский». В 1900 г. он принял участие в Панафриканской конференции, организованной в Лондоне выходцем из колонии Великобритании на о. Тринидад Генри Сильвестр-Уильямсом. Дюбуа стал автором воззвания конференции, в котором сформулировал проблему «цветного барьера». По его утверждению, эта подчас вполне осязаемая стена разделяла цивилизованный мир, прежде всего мир европейско-американской культуры, и мир колониальных народов: «Главной проблемой двадцатого столетия является проблема цветного барьера, вопрос – насколько расовые различия, проявляющиеся прежде всего в цвете кожи и структуре волос, будут основанием для того, чтобы отказывать половине мира в праве в полной мере пользоваться возможностями и преимуществами современной цивилизации»¹²⁷. Несмотря на такое, казалось бы, плотное общение с представителями различных народов африканского происхождения, Дюбуа еще долгие 15 лет после этой конференции не уделял какого-то специального внимания собственно африканской истории. Даже на Всемирном расовом конгрессе, созванном в 1911 г. в Лондоне давними коллегами Дюбуа из Германии и Великобритании, он посчитал наиболее актуальной для себя тему «Негритянская раса в Соединенных Штатах Америки». Помимо этого доклада он еще предложил участникам

¹²⁵ A Documentary History of the Negro People in the United States / ed. H. Aptheker. New York, 1970. Vol. 2. P. 928.

¹²⁶ Цит. по: *Geiss I. Te Pan-African Movement*. London, 1974. P. 173, 467.

¹²⁷ W. E. B. Du Bois Speaks. Speeches and Addresses 1890–1919 / ed. Ph. S. Foner. New York, 1970. P. 125. Необходимо отметить, что впоследствии Дюбуа не раз использовал понятие «цветной барьер», навсегда закрепив за собой авторство этого термина. Но появление его стало возможным именно благодаря новой информации и новым реалиям, с которыми африканоамериканцы по-настоящему пришли в соприкосновение в 1900 г. на панафриканской конференции в Лондоне.

пространный «Гимн народов» – поэтическое произведение, в котором призывал Господа избавить народы от войн и ненависти друг к другу. Интересно, что именно на конгрессе 1911 г. Дюбуа впервые смог познакомиться с авторитетными и широко известными представителями наиболее динамично развивавшихся африканских регионов – в Лондоне активно выступали Дж. Т. Джабаву из Южной Африки¹²⁸ и М. Агбеби из Британской Западной Африки. Но ни эти контакты, ни разразившийся в период проведения конгресса Второй Марокканский кризис¹²⁹ не вызвали у Дюбуа стремления заняться более пристально древней или современной историей континента.

В конце 1960-х годов XX в. главный редактор влиятельного африканоамериканского черного журнала «Эбони» Л. Беннет издал сборник биографий восемнадцати наиболее авторитетных борцов за гражданские права черного населения за всю историю существования африканоамериканского сообщества. В очерке, посвященном У. Дюбуа, завершавшем галерею портретов черных и белых американцев¹³⁰, он был назван «создателем негритянской интеллигенции». Отличительной чертой Дюбуа в сравнении с заслугами других общественно-политических фигур в истории черного протеста в США названо почти гандистское «приобретение влияния, но не силы»¹³¹. И почти ничего не сказано о заслугах Дюбуа-историка. На фоне современников Дюбуа действительно ощутимо выделялся как своим интеллектуализмом, так и много раз подтвержденным стремлением избегать публичной конфронтации с идейными оппонентами. Даже явное «полевение» позиций патриарха панафриканского подхода к трактовке связей африканских народов и афроамериканцев, проявившееся на склоне лет, многие склонны трактовать как отклик Дюбуа на общий тренд в антирасовом и антиколониальном движении в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов.¹³²

* * *

Среди работ Дюбуа, в наибольшей степени отвечающих жанру исторического исследования, следует выделить четыре: «Негр» (1915 г.); «Африка: ее география, народы и производство» (1930 г.); «Африка – место в современной истории» (1930 г.) и «Черный народ в давние времена и сегодня» (1939 г.). Многие исследователи ставят ему в вину вольное обращение с материалом, отсутствие ссылок на источники и обращение к вторичным источникам, если уже невозможно не дать отсылку к какому-то материалу. Как видно из перечня, исторические работы Дюбуа появились в основном в межвоенный период. Все они тесно связаны друг с другом, автор часто прибегал к самоцитированию, постоянно использовал одни и те же материалы. Всем им свойственны неточности, упрощенная трактовка социально-экономических и культурно-исторических особенностей развития народов Африки, чаще всего объясняемая отсутствием у автора надежной информации. В чем-то такая «облегченная» история народов африканского происхождения как единого целого предвосхитила появившиеся много позже трактовки «пассионарности», присущей другим народам. У Дюбуа тон таким исследованиям задала громко прозвучавшая в свое время его журнальная статья «Африканские корни

¹²⁸ Воеводский А. В. Джон Т. Джабаву – южноафриканский политик и общественный деятель // Вестник РГГУ. 2012. № 9. С. 146–165.

¹²⁹ Страны Магриба традиционно воспринимались африканоамериканцами как африканские территории, особенно это касалось Марокко, наряду с Либерией и Эфиопией остававшегося среди немногих независимых (с большими оговорками) государств континента.

¹³⁰ Bennet L. *Pioneers in Protest*. Chicago, 1968. P. 239–256.

¹³¹ Bennet L. *Pioneers in Protest*. Chicago, 1968. P. 250.

¹³² African Congress. *A Documentary of the First Modern Pan-African Congress* / ed. Imamu Amiri Baraka (LeRoi Jones). New York, 1972. P. 191–192.

войны» (1915 г.)¹³³. В ней впервые Дюбуа уже не в качестве исследовательской гипотезы, а как доказанный факт упомянул о потере африканскими народами 100 млн человек в период работорговли. Он также предупредил о последствиях совместных действий черных народов и жителей Азии, представляющих большинство населения мира и не желающих мириться с той ролью, которую им готовят по итогам передела мира главные воюющие державы¹³⁴. Как известно, эта и другие похожие статьи военной поры и его работа в НСПЦН позволили Дюбуа стать главным советником администрации В. Вильсона по негритянскому вопросу и организовать Первый панафриканский конгресс в рамках Парижской мирной конференции в 1919 г.

С началом Второй мировой войны Дюбуа вновь обратился к ситуации на Африканском континенте.

В августе 1941 г. была обнародована Атлантическая хартия¹³⁵. Многие общественно-политические деятели в колониальных и зависимых странах восприняли ее положения как своеобразный план основных держав – участников антигитлеровской коалиции по послевоенному переустройству мира. Главные обещания были даны так называемым малым народам, под которыми подразумевались народы зависимых стран, – они должны были после войны стать полноценными участниками решения собственной судьбы. Дюбуа внимательно следил за настроениями в колониальных владениях европейских метрополий. Весной 1942 г. он был приглашен выступить в Йельском университете с докладом «Будущее Европы и Африка». Позже, в начале 1943 г., он опубликовал статью в «Foreign Affairs», в основу которой был положен этот доклад. В статье в своеобразной переключке с давним тезисом Дюбуа о значимости «цветного барьера» утверждалось, что «вера в гуманизм – это вера в цветного человека». Дюбуа предупреждал также, что «без разрешения вопросов расового статуса разумно и доброжелательно они станут вопросами не столько Африки, сколько всего мира»¹³⁶. В этой же статье он сделал прогноз о возрастающей конкуренции дешевого труда колоний и рабочей силы в европейских странах, не предполагая, что эта конкуренция радикально изменит свой характер после отмены ограничений военного времени и начала массовой миграции африканцев в метрополии. Все эти социально-экономические сравнения были нужны Дюбуа для обоснования главного тезиса, вполне патерналистского, признающего условия Атлантической хартии и в чем-то парадоксального. Для дальнейшего развития Африки – с учетом безусловных способностей к управлению самих африканцев – Дюбуа считал необходимым оформления «...международного мандата при участии в органах управления интеллигенции Африки в сотрудничестве с полумертвым общественным мнением Европы»¹³⁷.

Ко времени появления статьи Дюбуа вопрос о создании и сфере ответственности ООН только начинал обсуждаться. Его предложения относительно международного мандата на управление африканскими территориями – скорее, дань прошлому, наследию Лиги Наций. Именно по этой схеме, как хорошо представляли себе африканоамериканские интеллектуалы, была решена проблема управления африканскими колониями, отнятыми у Германии по итогам Первой мировой войны. Многие участники Панафриканских конгрессов 1919–1927 гг. поддерживали принцип управления по мандату Лиги Наций, именно к нему теперь предлагал вернуться Дюбуа. Единственной новацией в его позициях, отраженных в статье, стало предложение о безотлагательном решении вопроса о расовом равенстве и включении в состав руководства послевоенной Африки самих африканцев.

¹³³ W. E. B. Du Bois Speaks... P. 244–257.

¹³⁴ W. E. B. Du Bois Speaks... P. 255–256.

¹³⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М., 1983. С. 131–132.

¹³⁶ Plummer B. G. Rising wind: Black Americans and U.S. foreign affairs, 1935–1960. Chapel Hill (NC), 1996. P. 112.

¹³⁷ Du Bois W. E. B. Against racism: Unpublished essays, papers, addresses, 1887–1961 / ed. H. Aptheker. Amherst (MA), 1985. P. 187–191.

Наряду с точкой зрения Дюбуа на будущее африканских народов накануне и в годы Второй мировой войны сформировалась иная позиция, сторонники которой представляли в основном саму Африку¹³⁸. Главным принципом послевоенного устройства жизни африканских народов они провозглашали независимость путем трансформации колониальных владений в полноценные государства. На 5-м Panafrican Congress в Манчестере в октябре 1945 г., где по совокупности заслуг У. Дюбуа было предложено почетное место председателя, ему оставалось только присоединиться к большинству. Представленный им по итогам конгресса «Меморандум к ООН» в сравнении с другими документами конгресса стал очень слабым отражением тех радикальных призывов, которыми руководствовались теперь африканцы¹³⁹. В этих условиях необходимо было чем-то подтвердить репутацию знатока panafricanских проблем, которая все еще существовала у Дюбуа среди африканоамериканцев, но была мало известна в Африке.

В 1947 г. Дюбуа выпускает свою самую главную работу по истории Африки. Основное ее назначение, как он указывает в предисловии, доказать, что «черные африканцы такие же люди, как белые европейцы и желтые азиаты»¹⁴⁰. Как и уже упоминавшиеся более ранние исторические работы Дюбуа, этот том во многом составлен из уже опубликованных статей, обзоров, глав других изданий. Впоследствии эта работа не раз переиздавалась, каждый раз автор дополнял ее новыми главами или менял их очередность. Вероятно, наиболее значительную правку Дюбуа внес в свою работу в 1958–1959 гг., когда готовилось русскоязычное издание. Об этом написал создатель и первый директор Института Африки АН СССР И. И. Потехин в обширном предисловии к книге. Интересно, что ее тираж в выходных данных не указан, но гриф «Для научных библиотек» достаточно исчерпывающе определяет круг читателей, которые получали возможность взглянуть на «черки по истории Африканского континента и его обитателей» (такой подзаголовок дали книге при переводе) через призму африканоамериканской исторической традиции. Автор предисловия честно признает: «Мы не можем согласиться со многими выводами и положениями Дюбуа, но мы и не считаем возможным вступать с ним здесь в дискуссию, во-первых, потому, что подробное изложение нашей точки зрения по столь большому кругу вопросов представляется невозможным в узких рамках вступительной статьи, а во-вторых – и это главное – мы не уверены, что наши представления о далеком прошлом Африки более правильны. Потребуется исследование многих ученых по многим частным проблемам, чтобы восстановить историческую правду»¹⁴¹.

Спустя полвека «исследования по многим частным проблемам» дают нам возможность по-новому взглянуть не только на далекое прошлое континента, но и на те периоды его истории, трактовка которых Дюбуа не казалась его советским коллегам спорной.

В первую очередь бросается в глаза своеобразный метод использования Дюбуа источников. В конце 40-х годов XX века он обращался к проблемам антропогенеза и этногенеза африканских народов так, как будто всю первую половину двадцатого столетия не появлялось никаких новых исследований. В помощь Моммзену, Ратцелю, Стэнли он призывает Ветхий Завет, ранние работы Флиндерса-Петри, некоторые более свежие, но вторичные источники.

По сути первые три главы посвящены доказательству единственного тезиса – «В Эфиопии взошла заря человеческой культуры, распространившаяся на всю долину Нила»¹⁴². Дюбуа учитывает все, даже самые сомнительные признаки, подтверждающие принадлежность древних египтян к негроидной расе. Внешние признаки принадлежности к неграм (единствен-

¹³⁸ Шербаков Н. Г. Послевоенный panafricanизм: начало пути // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. № 2. С. 94–107.

¹³⁹ Филатова И. И. Документы panafricanского движения // Расы и народы. М., 1977. № 7. С. 251–255.

¹⁴⁰ Du Bois W. E. B. The world and Africa: An inquiry into the part which Africa has played in world history. New York, 1965. P. XII.

¹⁴¹ Дюбуа У. Э. Б. Африка. Очерк истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961. С. 23.

¹⁴² Дюбуа У. Э. Б. Африка. Очерк истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961. С. 49.

ный универсальный термин, постоянно употреблявшийся Дюбуа в отношении любых народов, относящихся к негроидной расе) позволяют ему сравнивать современных бушменов с древними египтянами, римских императоров с героями Шекспира, библейских персонажей с потомками рабов в Вест-Индии. Никакие иные точки зрения не только им не рассматриваются, но даже не упоминаются. Осуществляя такую почти маниакальную «африканизацию» или, точнее, «негроизацию» истории Древнего Египта, Рима и Греции, Дюбуа может показаться главным предшественником современных африканоцентристов. Своим вольным обращением с источниками (вплоть до изобретения их при необходимости), с хронологией (когда какие-то протяженные исторические периоды просто не берутся в расчет), уравниванием в правах на доказательность апокрифов и археологических памятников Дюбуа предвосхитил методы и направленность действий сторонников афроцентристского подхода¹⁴³. Но Дюбуа остался верен себе: апология достижений реальных или вымышленных предков современных народов африканского происхождения ни разу не переходит в апологию расового превосходства. Опережение в овладении ремесленными навыками и приобщении к высотам культуры, создание выдающихся памятников мысли не свидетельствует, по мнению Дюбуа, ни о каком превосходстве одной расовой группы над другой. В этом он принципиально отличается от нынешних афроцентристов, все больше сводящих расиализацию истории к «расизму наоборот»¹⁴⁴.

Трактовка истории континента в Средние века и Новое время базируется на тех выводах и обобщениях, которые Дюбуа осуществил в первых главах, тем самым высказанные предположения теперь получили статус подтвержденной информации. Более того, некоторые, не очень понятные автору, периоды он просто исключает из рассмотрения. Так, португальское освоение западноафриканского побережья в XV в. наталкивается на противодействие царства Конго, насчитывающего к тому моменту, по мнению Дюбуа, несколько столетий. Династии Мономотапы возникли благодаря переселению народов банту в X в. на территорию современного Зимбабве (Родезии). Там банту создали огромное государство, вывозившее золото в Индию в течение всего периода IX–XVI вв. и распавшееся в XVII в. под натиском язычников¹⁴⁵. В качестве доказательства такого прихотливого пути развития приводится единственная ссылка на... Дюбуа! Подобная «легкость» в обращении с источниками характеризует методы Дюбуа не только при обращении к прошлому. Например, объясняя позиции делегации цветных южноафриканцев на учредительной конференции ООН, Дюбуа приводит текст их послания Объединенным Нациям, давая следующую сноску к многостраничному документу: «Обращение к народам мира, опубликованное Объединенным комитетом неевропейцев в Кейптауне (Южная Африка) в 1945 г.»¹⁴⁶.

В тексте, предполагающем научную строгость, доказательность, точность определений, то и дело встречаются такие термины, как «сарацинская культура» (с. 163), «суданский шариат» (с. 173), «пытливые научные исследования» (т. е. эпоха Просвещения) (с. 225).

Естественно, что Дюбуа, «отец panaфриканизма», посчитал крайне важным предложить в своем исследовании авторскую трактовку истории движения panaфриканских конгрессов. В этой части книга изобилует многими подробностями, известными Дюбуа как участнику событий. Но с источниками и здесь дело обстоит неважно – фактически они не указаны, остается верить на слово очевидцу событий. Интересно, что посвященную panaфриканским конгрессам главу Дюбуа в подражание О. Шпенглеру назвал «Крушение Западной Европы» (русскоязычное издание) и «Крушение Европы» (англоязычные издания). Причинами этого круше-

¹⁴³ Давидсон А. Б., Филатова И. И. Исторические пласты афроцентризма // *Rac Africa: континент и диаспора в поисках себя* / под. ред. А. Давидсона. М., 2009. С. 6–40.

¹⁴⁴ Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учеб. для вузов. М., 2011. С. 260–263.

¹⁴⁵ Дюбуа У. Э. Б. Африка... С. 120–122.

¹⁴⁶ Дюбуа У. Э. Б. Африка... С. 221.

ния, выразившегося в развязывании Первой мировой войны и распаде нескольких империй по ее результатам, Дюбуа определил «моральный кризис европейской культуры» (с. 221). В последующих главах «Белые господа мира» и «Похищение Африки» (в англоязычной версии – «Изнасилование Африки») Дюбуа, нарушая хронологическую последовательность изложения, вновь возвращается к потерям Африки от работорговли и жертвам золотой лихорадки на юге континента, значительное внимание уделяет арабской работорговле на восточном побережье. В этом его позиция принципиально отличается от очень модной сегодня трактовки рабства и работорговли как преступной практики исключительно белого человека, обязанного возполнить потери африканцев выплатой гигантских репараций.

В дописанных специально для московского издания книги четырех последних главах в основном исследуется Африка после Второй мировой войны и в канун массовой деколонизации. Как было оговорено в предисловии, здесь к автору трудно было предъявить претензии. Хотя во время написания этих глав Дюбуа еще не вступил в компартию США, он пользовался безусловной поддержкой ее руководства и советами своих гостеприимных хозяев в Москве, где он провел значительное время, включая встречу с Н. С. Хрущевым. В процессе знакомства как раз и был озвучен меморандум о необходимости поставить изучение Африки на научную основу и создать Институт Африки в системе Академии наук. В соответствии с логикой холодной войны и «партийной дисциплиной» Дюбуа определил главных врагов Африки в XX в., что вполне вписывалось в концепцию «враг моего врага – мой друг». Врагами были проигравшие расисты (Гитлер и Муссолини) и явно проигрывающие холодную войну империалисты (Рузвельт и преемники, Черчилль и преемники). Их соперниками выступали СССР, Китай и страны Восточной Европы, которые автоматически становились союзниками новой Африки, а через нее – американских негров. Важно подчеркнуть, что при этом Дюбуа не отделял себя, своих черных единомышленников от американского народа и – шире – от западного общества: «Американский народ ведут по неправильному пути. Наш народ не впервые допускает ошибки, но эта может оказаться последней. Сегодня Соединенные Штаты выступают врагом мирового прогресса – прогресса, который ведет к социализму и уничтожению колониализма и войн»¹⁴⁷. Признавая ответственность за действия своей страны, какой бы политики ни придерживался он сам, Дюбуа в очередной раз продемонстрировал расхождение с позициями черных радикалов, существовавших как в те времена, так в еще большей степени обнаруживших себя с развитием идеологии «антибелого расизма»¹⁴⁸.

В заключительных главах книги Дюбуа отдает должное переменам в первой независимой стране континента – Гане, объясняя успех Нкрумы и его сторонников тем, что они следовали предначертаниям манчестерского panaфриканского конгресса. Panaфрикансты же, по мысли Дюбуа, сделали после войны правильную ставку на рабочее движение. Оно, в свою очередь, застраховано от ошибок марксистской теорией, а сам Дюбуа давно признавал справедливость положений «Коммунистического манифеста» (с. 314).

Дюбуа уделил внимание и сложностям, с которыми уже столкнулась и будет дальше сталкиваться Африка в сфере экономики. Рецепт успешного преодоления этих трудностей – переориентация экономических связей на СССР и Китай. Определенные неудобства придется также испытать из-за сохраняющейся племенной структуры африканского общества, возможны даже гражданские войны между различными племенами, пророчески предостерегал Дюбуа (с. 323–324).

Здесь же, в заключение работы, Дюбуа сделал еще одно откровенное признание: «Многие годы я стремился к тому, чтобы американские негры повели за собой Африку к свободе. В

¹⁴⁷ Дюбуа У. Э. Б. Африка... С. 314.

¹⁴⁸ Karenga M. Introduction to Black Studies. Inglewood (CA), 1982. P. 203–204.

этом состоял смысл моих усилий основать панафриканское движение. Теперь же Африка сама развернула борьбу за свое освобождение» (с. 316).

Завершил добавленные главы и книгу в целом вывод, в наибольшей степени способствовавший появлению этого труда на русском языке: «Однако сегодня уже не может быть никаких сомнений в том, что социализм и его высшая форма – коммунизм в самом недалеком будущем воцарятся в Африке и приведут ее к невиданному расцвету» (с. 346).

Насколько известно сегодня, подобные рассуждения и прогнозы У. Дюбуа впоследствии не стали предметом доброжелательного или злонамеренного анализа за пределами СССР. Можно с уверенностью предположить, что если бы каноническое издание «The World and Africa» в 1965 г. было бы дополнено «русскими главами», это заставило бы многих сегодняшних сторонников Дюбуа среди черных интеллектуалов в Америке пересмотреть свои оценки его наследия, эхом повторяемые и в большинстве стран Африки.

Как же можно было бы оценивать Дюбуа-африканиста без оглядки на его своеобразное политическое приспособленчество на склоне лет?

Как большинство африканоамериканцев, писавших об Африке в колониальную эпоху, Дюбуа не имел представления о реалиях исторической родины. Комплекс расовой неполноценности, который африканоамериканцы настойчиво изживали и на индивидуальном, и на коллективном уровне, подтолкнул Дюбуа к изучению Африки. Главным для него стало обнаружение доказательств величия черной расы в прошлом, что привело позже к появлению афроцентристского подхода к истории народов африканского происхождения. Но считать Дюбуа провозвестником афроцентризма было бы неправильно, расизм в любой форме был абсолютно чужд Дюбуа на всем протяжении жизни, что в значительной степени проявилось в период его ожесточенной полемики в 1920-е годы со сторонниками движения «Назад в Африку», возглавляемого М. Гарви.

Важное значение имеет также начатое Дюбуа систематическое изучение работорговли, причем не только трансатлантической, но и работорговли в бассейне Индийского океана. Тема так называемой треугольной торговли, ответственности многих прибрежных народов Гвинейского залива за посредничество при налаживании торговли своими соседями и соплеменниками, определение удельного веса рабов, захваченных арабскими купцами и завоевателями в общем объеме потерь, – безусловные исследовательские заслуги Дюбуа. То, что именно африканоамериканский ученый одним из первых систематизировал подобные данные, пусть и по вторичным источникам, вплоть до сегодняшнего дня помогает исследователям избегать обвинений в предвзятости по отношению к неевропейским участникам работорговли.

Следует учесть, что системного изучения истории Африки, пусть даже с оговорками, которых заслуживают работы Дюбуа, до него по-настоящему не существовало. Почти одновременно с русскоязычным вариантом «Африки» появилось четвертое издание работы еще одного крупнейшего африканоамериканского историка Картера Вудсона «Заново рассказанная история Негра»¹⁴⁹. Несмотря на то, что к моменту появления этого очень популярного и востребованного издания на континенте уже всю разворачивался процесс деколонизации и «негритянскими правительствами» (термин К. Вудсона) был даже накоплен определенный опыт самостоятельного управления, в томе на 500 страниц Африке уделена всего одна глава на 35 страницах. История африканцев для авторов практически не существует, названия достаточно крупных, известных за пределами континента народов перевернаны, перепутаны многие топонимы. По мнению африканоамериканцев, освобождающиеся африканцы должны были в процессе деколонизации в первую очередь решить четыре проблемы: голода, «контроля со стороны внешних правительств», борьбы с болезнями и за самоуважение (именно так, как неразрывно связанные между собой понятия) и «получения коренными африканцами

¹⁴⁹ Woodson C. G., *Wesley Ch.H. The Story of the Negro Retold*. Washington, 1959.

подлинного гражданства» (интерпретация всю разворачивавшейся политики апартхеида на Юге Африки)¹⁵⁰. При всем этом в книге практически не нашлось места для ссылок на работы предшественников, хотя и приведены большие библиографические списки по основным разделам¹⁵¹. Но надо отдать должное этой работе: в ней современная африканская история персонифицирована, даже в небольшом пространстве главы упомянуты имена многих государственных деятелей молодых независимых стран.

Активное участие американских негров в создании и трудном становлении компартии США в 20-е годы XX в. дало о себе знать появлением исследований черной истории, основанных на марксистском подходе. Наиболее значимым в послевоенной американской марксистской историографии стало исследование члена руководства компартии США Уильяма З. Форстера, посвященное истории афроамериканцев, вышедшее в 1954 г. и немедленно переведенное на русский язык¹⁵². На долгие годы его историческая трактовка стала каноном, главным источником сведений, терминов и понятий для всех, кто так или иначе занимался в нашей стране прошлым народов африканского происхождения. Но Африке, с очерка истории которой начинался этот внушительный том, опять уделялось лишь десять страниц из почти восьмисот, еще десять страниц были посвящены работоторговле. В этом исследовании вновь отсутствовали какие-либо ссылки на источники, но в качестве непререкаемого авторитета именно в области африканской истории несколько раз упоминался У. Дюбуа, а в библиографии приводились его основные работы как главные исследования по вопросам негроафриканской истории.

Унификация исторического знания, как известно, была краеугольным камнем в марксистской теории общественного развития. Последствия такого подхода в период действия Коминтерна были для изучения африканской истории не катастрофичны, но значительно ограничили возможности африканистов, стоявших на марксистских позициях¹⁵³.

В послевоенный период подобные традиции Коминтерна продолжали сохраняться. Термины, используемые Фостером, коммунистом африканоамериканцем, не бывавшем на континенте и знавшем, по сути, про Африку крайне мало, были обязательны для использования в партийных документах. В начале 1960 г. «в Инстанции» (эвфемизм для обозначения ЦК КПСС) уже обсуждалось штатное расписание Института Африки, на континенте продолжалась цепная реакция деколонизации африканских народов, в отделах МИД СССР задумывались о советских предложениях для международно-правового обоснования условий этой деколонизации. Но партийные догматики в ЦК, прекрасно зная о происходивших переменах, тем не менее воспроизвели американскую патерналистскую модель отношения к африканским народам – появилось постановление ЦК КПСС «О расширении культурных и общественных связей с **негритянскими народами Африки** и усиления влияния Советского Союза на эти народы»¹⁵⁴. Пожалуй, этот документ стал последним свидетельством того, что *негритянские народы Африки*, историей которых давно и увлеченно занимался У. Дюбуа, завершили свое существование. Осенью 1960 г. в ходе принятия «Декларации о предоставлении независимости

¹⁵⁰ Woodson C. G., Wesley Ch.H. The Story of the Negro Retold. Washington, 1959. P. 337–338.

¹⁵¹ Следует учесть, что, начиная с 1915 г. К. Вудсон издавал «Te Journal of Negro History». Он создал действующую по сию пору «Ассоциацию по изучению афроамериканской истории» – крупнейшее профессиональное объединение историков, занимающихся историей чернокожих, по его инициативе стала отмечаться сначала «Неделя афроамериканской истории», а в настоящее время – спонсируемый государством «Месячник афроамериканской истории». В США существует несколько крупных библиотек и исследовательских фондов, носящих имя К. Вудсона. Пожалуй, только его имя наряду с именем У. Дюбуа признано всеми американскими историками, вне зависимости от политико-идеологических пристрастий, синонимом понятия «отцы афро-американской истории».

¹⁵² Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.

¹⁵³ Филатова И. И., Давидсон А. Б. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М., 2012. С. 9–33.

¹⁵⁴ Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 / под ред. А. Давидсона и С. Мазова. М., 1999. Т. 2. С. 165–168.

колониальным странам и народам» на Генеральной ассамблее ООН и провозглашении 1960 г. «Годом Африки» история Африканского континента перестала быть историей негров.

Конечно, не отвечающее сегодняшним критериям политкорректности определение «негр», «негритянский» не исчезло из обихода, до сих пор активно используется у нас в стране журналистами, общественными деятелями и политиками разных уровней. Но при оценке различных аспектов давней и современной жизни африканоамериканцев, недавних негров, все-таки проводится четкое разграничение истории этих «африканцев в диаспоре» и собственно африканских народов. Интересно, что вплоть до середины 1990-х годов сложная и громоздкая пропагандистская машина США, не сильно отличаясь в этом от умиравшей пропагандистской традиции уже не существующего СССР, продолжала использовать патерналистские клише времен холодной войны.

В 1994 г. весь мир с двойственными чувствами восторга и опасения следил за глубочайшими переменами, происходившими в Южной Африке. Там после десятилетий сложнейшей, во многом трагической, борьбы против системы апартеида к власти пришло правительство черного большинства. В это время журнал «Амери-ка», официальный орган Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), выходивший на русском языке и многие годы «раскрывавший глаза» советским людям на американские стандарты жизненных ценностей, опубликовал обзорные материалы о переменах в ЮАР, о роли Африканского национального конгресса¹⁵⁵. Во всем мире был к этому моменту известен Нельсон Мандела – выдающийся африканский политик, ставший президентом всей Южной Африки – черной и белой. Но по традиции, во многом берущей начало во времена «открытия Африки» африканоамериканскими историками во главе с У. Дюбуа, рассказывала о «выдающемся негритянском националисте из Южной Африки»... Вновь незнание, субъективное понимание истории народов африканского происхождения парадоксальным образом отразилось на стремлении в очередной раз скорректировать формулу об опрокинутой в прошлое политике.

© Щербаков Н. Г., 2013

¹⁵⁵ Scherbakov N. G., Litinsky A. L. Afro-America through the key-hole (or loophole?) of «America» magazine // Russian-American Links: African-Americans and Russia = Российско-американские связи: Афроамериканцы и Россия / под ред. Ю. П. Третьякова и Е. М. Апенко. СПб., 2009. P. 274–294.

Уильям Дюбуа. Африканские корни войны¹⁵⁶

С началом Первой мировой войны У. Дюбуа в ходе поездок по различным штатам США неоднократно выступал в качестве представителя Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения с лекциями о причинах войны. Результаты этих выступлений и возникавших в их ходе дискуссий он обобщил весной 1915 г. в статье «Африканские корни войны», опубликованной во влиятельном журнале «Atlantic Monthly». Текст статьи автор впоследствии неоднократно включал в другие свои работы. Сделанные Дюбуа прогнозы относительно действий Японии по завершении войны во многом подтвердились. На Парижской мирной конференции императорская делегация Японии предприняла попытку включить в повестку дня вопрос о ликвидации расовой дискриминации. Для этого японские представители постарались использовать потенциал Первого panaфриканского конгресса, созванного У. Дюбуа в кулуарах конференции в 1919 г. Наметившемуся сотрудничеству черных и белых представителей был положен конец совместными усилиями делегаций Великобритании и Австралии, заявивших о несвоевременности обсуждения расового вопроса и предложивших традиционную формулу «оставить решение проблемы на усмотрение будущих поколений».

«Semper novi quid ex Africa» («Всегда новое приходит из Африки») – восклицал римский проконсул; он озвучил вердикт сорока веков. И все-таки находятся те, кто пишет мировую историю, исключая этот самый прекрасный из всех континентов. Именно сегодня большинство считает, что Африка находится далеко в стороне от наших жгучих социальных проблем и особенно от насущной проблемы <Первой> мировой войны.

А ведь в наибольшей степени Африка является главной причиной этого ужасного поворота в развитии цивилизации, до которого мы дожили; этими словами я стремлюсь выразить то, что на Черном континенте спрятаны корни не только нынешней войны, но и угрозы войн, которые могут разразиться в последующем.

Африка всегда дает нам что-то новое или какие-то новые воплощения старых, как мир, вещей. Именно из ее черного лона возникла одна из наиболее ранних, если не самая ранняя, из самодостаточных цивилизаций и развилась в могущественную настолько, что вплоть до сегодняшнего дня она является непревзойденным образцом для думающих и красноречивых людей. В ее темных и самых дремучих лесах возник, если верить сегодняшним ученым, первый опыт металлообработки и, кроме того, сельское хозяйство и торговля процветали там уже тогда, когда Европа пребывала в дикости.

Почти каждая империя, появлявшаяся в мире, материальная или духовная, обнаруживала причину своих кризисов на этом континенте – в Африке, со времен Греции и до появления Великобритании. Моммзен говорил: «Именно с помощью Африки христианство стало мировой религией». В Африке последняя волна нашествия германцев сошла на нет по мере столкновения с последним вздохом Византии, и именно в Африке ислам начал играть свою великую роль захватчика и цивилизатора.

С началом эпохи Ренессанса и с расширением мира современной мысли Африка не менее неожиданно явила свой старый новый дар. Шекспировский Пистоль восклицал:

К чертям весь здешний мир с его жильцами!

Об Африке вещаю золотой¹⁵⁷.

Он повторял легенду о золоте, просуществовавшую со времен Пунта и Офира до времени Ганы, Золотого Берега и Ранда. Эти соображения отправили всех стяжателей богатств

¹⁵⁶ coll_0 The African roots of war // Atlantic Monthly. May 1915. Vo 1. 115. P. 707–714.

¹⁵⁷ Перевод дан по изд.: Уильям Шекспир. Король Генрих IV (Ч. II) / пер. В. Морица и М. Кузмина. СПб., 2005.

обшаривать жаркие, загадочные берега Африки вплоть до мыса Доброй Надежды в те времена, когда впервые рождалась подлинная мировая торговля, хотя и началась она как торговля преимущественно телами и душами людей.

Достаточно о прошлом. Сегодня, в наши дни: Берлинская конференция по распределению умножающихся богатств Африки среди белых людей собралась 15 ноября 1884 г. Одинадцатью днями ранее трое немцев покинули Занзибар (куда они прибыли тайно под видом механиков) и до того, как Берлинская конференция завершила свои усилия, они аннексировали в интересах Германии территорию, составившую больше половины всей территории Германской империи в Европе. Лишь своей стремительностью этот неприкрытый грабёж и присвоение территории 7 млн туземцев отличался от методов, с помощью которых Великобритания и Франция получили каждая по 4 млн кв. миль, Португалия – $\frac{3}{4}$ млн кв. миль, а Испания и Италия – меньшие, но внушительные территории.

Методы, с помощью которых был украден этот континент, бесчестны и безоговорочно заслуживают презрения. Лживые договоры, реки спиртного, убийства, унижения, изнасилования и пытки обозначили прогресс англичан, немцев, французов и бельгийцев на Черном континенте. Единственное, что помогло миру вынести это ужасное повествование, была сознательная глухота и перемена темы обсуждения в то время, когда продолжалась эта дьявольщина.

Все началось достаточно необычно, как и нынешняя война, с Бельгии. Многим из нас памятно знаменательное разрешение Стэнли загадки Центральной Африки в ходе путешествия в 1600 миль вдоль могучей реки Конго от Ньянгве до берега моря. Мир неожиданно узнал, что здесь находится ключ к богатствам Центральной Африки. Это вызвало волнения, но в Бельгии король Леопольд первым воспользовался ситуацией, и в результате возникло Свободное государство Конго – господь благоволит мошенникам! Но Свободное государство Конго, при всем славословии мира, христианства, коммерции, которые превратились в убийства, унижения и прямое ограбление, отличалось от Африки в целом лишь степенью и уровнем насилия над континентом, нещадно раздираемым работоторговлей. Этот зловещий товаропоток, с помощью которого в значительной степени выросли Британская империя и <Северо> Американская республика, стоил Черной Африке не менее 100 млн душ, разрушения ее политической и общественной системы и оставил континент именно в том состоянии беспомощности, которое привлекло силы агрессии и эксплуатации. «Цвет» стал в мировой общественной мысли синонимом неполноценности, слово «негр» утратило свою начальную заглавную букву, а «Африка» стало еще одним именем для определения зверства и варварства.

Таким образом, мир начал культивировать предрассудки, основанные на цвете кожи. И «цветной барьер» стал приносить дивиденды. Исследование долины Конго было только предлогом для колониального раздела Африки, действительные причины лежали глубже. Франко-прусская война переключила внимание с Европы тех, кто стремился к власти и доминированию. Англия уже присутствовала в Африке, расчищая дебри работоторговли и полусознательно нащупывая путь к новому империализму. Франция, униженная и ограбленная, готовилась к созданию новой североафриканской империи, протянувшейся от Атлантики до Красного моря. Несколько медленнее, но Германия тоже начинала видеть зарю нового дня и, изгнанная из Америки посредством доктрины Монро, присматривалась к Азии и Африке в поисках колоний. Португалия заново формулировала претензии на свои древние африканские владения; таким образом, континент, где Европа владела едва ли десятой частью территории в 1875 г., в последующие двадцать пять лет оказался полностью поглощенным.

Почему это произошло? Каким был этот зов власти? Он был очень сильным, если судить по тем сполохам войны, которые охватили Африку в последней четверти века: Франция и Англия в Фашоде, Италия в Адуа, Италия и Турция в Триполи, Англия и Португалия в заливе Делагоа, Англия, Германия и Голландия в Южной Африке, Франция и Испания в Марокко, Германия и Франция в Агадире и весь мир в Альхесирасе.

Ответ на эту загадку – в экономических переменах в Европе... Белого рабочего приглашают принять участие в грабительской эксплуатации «китаёз и ниггеров». Теперь не просто какой-то владетельный купец, аристократическая монополия или даже правящий класс участвуют в эксплуатации мира, теперь это народ, новая демократическая нация, состоящая из вступивших в союз капитала и труда. Трудящиеся все еще не получают, если быть точным, той доли, которую бы они желали, на дне общества все еще находятся значительные и беспокойные игнорируемые классы. Но права трудящихся признаны, и выделение их справедливой доли – всего лишь дело времени, ума и умения вести переговоры.

Именно такие нации правят современным миром. Их национальные скрепы – не просто сентиментальный патриотизм, лояльность или культ предков. Это возрастающее богатство, власть и изобилие для всех классов в масштабах, которых мир ранее не видывал. Никогда ранее средний гражданин Англии, Франции и Германии не был так богат, не имел таких великолепных возможностей стать еще богаче.

Откуда возникает это новое богатство и от чего зависит его накопление? Источником его получения служат цветные народы мира – в Азии и Африке, Южной и Центральной Америке, Вест-Индии и на островах в южных морях. Остается, как мы хорошо знаем, и много мест в «белых» странах, таких как Россия и Северная Америка, не говоря уже о Европе, где все еще сохраняется прежняя эксплуатация. Но похоронный звон отчетливо и далеко разносится и там. В странах цветных народов не слышно никакого похоронного звона. Китайцы, индийцы, негры и южноамериканские индейцы по всеобщему согласию управляются белыми и экономически подчинены им. Для продолжения этого высокодоходного экономического предприятия используются все доступные ресурсы науки и религии. И таким образом развивается паразитическая доктрина естественного превосходства многих над немногими, а также интерпретация «христианского братства» как возможности одного из «братьев» понимать под этим что угодно и когда угодно.

Как и все мировые схемы, тем не менее эта схема не до конца совершенна. Прежде всего, желтая Япония очевидно, избежала ограничений, диктуемых цветным барьером. Это нарушает белую гегемонию и создает для нее опасность. Если, конечно, Япония присоединится сердцем и душой к белым в противостоянии с желтыми, коричневыми и черными, плохими и хорошими. Существуют даже добросовестные попытки доказать «арийство» японцев при условии, что они будут вести себя «как белые». Но кровь есть кровь, и существуют признаки того, что Япония не мечтает о мире, управляемом преимущественно белым человеком. Она является «желтой жемчужиной» и может понадобиться, как считают германский император и многие белые американцы, мировой крестовый поход против дерзкой нации, которая требует «белого» обхождения.

Помимо этого недавно китайцы продемонстрировали неожиданное стремление к независимости и автономии, что, возможно, потребует принимать их во внимание в предстоящие десятилетия. В результате в Азии образовалась проблема соревнования за контроль над «сферами экономического влияния», каждая из которых в большей или меньшей степени должна быть открыта для экономического вмешательства.

Одно можно утверждать наверняка: Африка низложена. Есть, правда, некоторые признаки проявления самосознания, которые требуют внимания. Так, наверняка следует обживать Абиссинию, а в Америке вест-индские негры предпринимали безуспешные шаги к освобождению, но эти шаги были достаточно эффективно заторможены в основном благодаря запрету на смешанные браки; есть еще 10 млн негров в Соединенных Штатах Америки, которые, по мнению многих, требуют тщательного внимания и жестких ограничений.

Исходя из этого, сознание белых европейцев работает, и работает лихорадочно, поскольку Африка является землей двадцатого века. Кое-что мир знает о золоте и алмазах Южной Африки, какао Анголы и Нигерии, каучуке и слоновой кости Конго, пальмовом

масле западного побережья. Но осознает ли рядовой гражданин экономические возможности Африки, точнее – Черной Африки в предстоящие годы? Э. Д. Морель, который знает Африку лучше большинства белых людей, показал нам, как экспорт пальмового масла из Западной Африки вырос с 283 т в 1800 г. до 80 000 т в 1913 г. Ныне ежегодная стоимость его экспорта вместе с сопутствующими продуктами равна 60 млн долл. Он показал, как неорганизованный туземный труд на Золотом Берегу сделал эту территорию лидером какао-производителей мира с ежегодным экспортом в 89 млн фунтов (веса, не фунтов стерлингов). Он показывает, как урожай хлопка в Уганде поднялся с 3000 кип в 1909 г. до 50 000 кип в 1914 г.; он говорит также, что Франция и Бельгия не могут никого удивить культивацией своих земель в сравнении с негритянской провинцией Кано. Товарооборот Абиссинии достигает 10 млн долл. в год, но именно безграничные возможности его роста притягивают в Аддис-Абебу многочисленных предпринимателей самых разных национальностей.

Все это только начало. Тропическая Африка и ее народы с каждым годом необратимо вовлекаются в вихрь экономических перемен, которые охватывают западный мир. Нет никаких сомнений в экономических возможностях Африки в ближайшем будущем. Существуют не только хорошо известные и традиционные товары, но бесконечные возможности в сотне различных областей и сверх того бесчисленные люди, которые, если бы их можно было довести до уровня послушания и покорности китайских кули или европейских рабочих XVII–XVIII вв., будут способны обеспечить своим хозяевам богатство, превосходящее любые самые смелые мечты современных империалистов.

Такова, следовательно, секретная причина отчаянной борьбы за Африку, начавшейся в 1877 г. и подходящей к своей кульминации сегодня. Конечно, свою роль сыграло и распределение владений за пределами Африки, поскольку мы находились накануне раздела Азии, когда азиатская хитрость предотвратила этот процесс. Америка была спасена от политического закабаления доктриной Монро. Поэтому все больше и больше империалисты сосредотачивали свои усилия на Африке.

Чем больше концентрация – тем яростнее соперничество. К европейскому пороховому погребу настойчиво пытаются поднести искру в Фашоде или Агадире, и избежать ужасного пожара удастся едва-едва. Мы рассуждаем о Балканах как о центре шторма в Европе и причине войны, но это, скорее, по привычке. Балканы удобны для этой цели, но собственность на сырье и людские ресурсы в «цветном» мире – вот реальный приз, ради которого нации Европы вцепляются в глотку друг друга сегодня.

Нынешняя мировая война, таким образом, является результатом зависти, усиленной нынешним возрастанием возможностей национальных вооруженных союзов труда и капитала, чьей целью является эксплуатация богатств в основном за пределами границ европейских наций. Такие ассоциации, созданные завистью и подозрениями при разделе сокровищ торговых империй, бьются за увеличение своих долей, они нацелены на экспансию не в Европе, а в Азии и особенно – в Африке. «Нам не нужно ни дюйма французской территории», – заявила Германия Англии, но Германия не смогла дать подобные заверения относительно Франции в Африке.

Трудности подобного имперского движения имеют как внутренний, так и внешний характер. Победная агрессия при осуществлении экономической экспансии требует тесного домашнего союза между трудом и капиталом. В настоящее время требования белого рабочего – не только в отношении зарплаты, но и в отношении условий работы и участия в управлении производством – делают поддержание мира на производстве делом очень трудным. С одной стороны, трудящиеся умиротворяют с помощью всевозможных мер государственного социализма, с другой стороны – запугивают угрозами конкуренции со стороны цветных рабочих. Угрожая направить английский капитал в Китай или Мексику, в Америке угрожая нанять негритянских

рабочих, равно как и предлагая пенсии по старости и страховки от несчастных случаев, мы добиваемся мира труда и капитала дома за счет катастрофических издержек войны за рубежом.

В результате вдоль «цветного барьера» накапливаются нагноения, состоящие из конкуренции и острой ненависти. Мы должны бороться с китайцами, заявляют рабочие, или китайцы отнимут наши хлеб и масло. Мы должны держать на месте негров, иначе негры займут наши места. По всему миру с рвением формулируют причины и готовят действия, чтобы при любой попытке белый человек мог придушить цветного, иначе Китай, Индия или Африка сделают с Европой то, что Европа сделала или пытается сделать с ними.

С другой стороны, в умах желтых, коричневых или черных народов проясняется жесткая правда: у белого человека существует привилегия направляться в любую страну, где маячит удача, и вести себя там так, как он пожелает; черному или цветному все более остается довольствоваться жизнью там, где климат, исторические, политические или экономические условия самые сложные и в наибольшей степени все подчинено европейцам и предназначено для европейцев.

Те, кто стремятся к миру, должны устранить истинные причины войны. Мы постепенно распространили наши принципы демократии за пределы нашего общественного класса на все общественные классы нации, мы пошли дальше и распространили демократические идеалы не только на все классы нашей нации, но и на все другие похожие нации – на то, что мы называем «европейской» цивилизацией. Если мы стремимся к настоящему миру и устойчивой ситуации в развитии культуры, мы должны идти дальше. Мы должны распространить демократические идеалы на желтые, коричневые и черные народы.

Говоря так, мы вызываем на лицах современников выражение полной безнадежности. «Невозможно! – говорят нам, – ... в силу многих причин – научных, социальных, многих других этот аргумент не имеет смысла». Но не будем торопиться с выводами. Предположим, что нам предстоит выбирать между таким безусловно бесчеловечным нарушением правил благопристойности, интеллекта и религии, которые называют <Первой> мировой войной, и попытками обращаться с черными людьми, как с разумными, ответственными существами. Мы продавали их, как скот. Мы использовали их как вьючных животных. Нам не изжить войну в нашем мире до тех пор, пока мы не станем обращаться с ними, как с равными гражданами в мире демократии, распространяемой на все расы и нации. Невозможно? Демократия – это способ осуществлять невозможное...

В чем нуждаются примитивные народы Африки и всего мира и что они обязаны получить в том случае, если война будет изжита, совершенно ясно:

Первое – это земля. Сегодня Африка поработана таким образом, что украдена ее земля и природные ресурсы. Век тому назад черные люди владели почти всей Южной Африкой. Пришли Голландия и Англия и сегодня 1 млн 200 тыс. белых владеют 264 млн акрами, оставив лишь 21 млн акров для 4,5 млн туземцев. И, наконец, чтобы вдвойне подстраховаться, Южно-Африканский Союз отказал туземцам даже в праве покупать землю. Это откровенная попытка заставить негров работать на фермах, шахтах и кухнях за низкую зарплату. По всей Африке распространяется это бесстыдное присвоение земель и природных ресурсов для того, чтобы загнать массы в нищету и превратить их труд в труд библейских скотов неразумных.

Второе: мы обязаны приобщить туземные народы к современной цивилизации. Это можно осуществить. Современные методы обучения детей, примененные честно и эффективно, превратят огромное большинство людей на земле в современные, цивилизованные нации. Мы редко пробовали делать так. В большинстве случаев Европа стремится всеми силами превратить желтых, коричневых и черных людей в покорный тягловый скот; лишь немногим упорным из них позволено избежать этого и получить (как правило за границей) современное образование.

Последнее: принципы гомруля, самоуправления, должны быть распространены на сообщества, нации и расы. Должен быть положен конец управлению народом ради прихоти или прибыли другого народа. Деспотизм подобного рода в нынешние времена маскируется все изощреннее. Но жестокие факты известны: белый человек правит Черной Африкой ради собственной корысти и, насколько это возможно, он делает то же самое повсеместно и в отношении других цветных рас. Может ли подобное принести мир? Может ли любое европейское согласие или разоружение разрешить подобную несправедливость?

Политическая власть сегодня не что иное, как орудие для достижения экономической власти. Завтра она сможет помочь нам получить духовное прозрение и творческое озарение. Сегодня она дает нам – или помогает получить – хлеб и масло, а те классы, народы или расы, которые этой власти лишены, голодают, голод же – оружие, с помощью которого белый мир загоняет их в рабство.

Сегодня мы призываем к европейскому согласию, но максимальное европейское согласие означает единодушие, согласие с распределением благ, полученных благодаря мировому господству. К тому же европейское разоружение не может быть доведено до того уровня, который не обеспечит агрессию белых против коричневых, черных или желтых народов. Из этого возникает три вечных опасности войны. Во-первых, возобновление соперничества при любом разделе колоний или ранее согласованных сфер влияния, если в будущем нынешнее распределение покажется несправедливым. Кого волновала Африка в начале XIX столетия? Пусть Англия получит объедки, оставшиеся от золотой поры работорговли. Но в XX веке? Все кончается войной. Объедки выглядят для Германии слишком соблазнительно.

Во-вторых, война начнется с революционного восстания низших классов. Чем сильнее международное соперничество, тем больше стоимость вооружений и тем сложнее выполнять обещания промышленной демократии в развитых странах. И, наконец, цветные народы не всегда будут пассивно подчиняться иностранному господству. Для некоторых это кажется трюизмом. Когда народ заслуживает свободы, он бьется за нее и получает ее, как говорят философы, делая войну обычным, необходимым шагом к освобождению. Цветные народы знакомы с этим полезным утверждением. Когда они недостаточно сильны, чтобы стать свободными, они смиряются с высокомерным отношением белых к себе. Эти народы и расы, составляя большинство человечества, готовы терпеть такое отношение до тех пор, пока их вынуждают к этому, но не дольше. Они начнут бой, и тогда война из-за существования «цветного барьера» превзойдет по дикости все войны, какие видел мир до сих пор. Цветным народам есть, что помнить, и они не забывают.

Неизбежно ли это? Можем ли мы беспомощно дожидаться этой ужасной перспективы? Должен ли остальной мир оставаться беззащитным перед неизбежными ужасами войны, пока мы рассчитываем, сообразуясь с нынешним жертвоприношением, разоружением Европы и европейской внешней политикой, особенно когда мы знаем, что именно здесь, в кругу проблем этих рас, а не внутри европейских хлопот обнаруживаются подлинные причины сегодняшней европейской схватки?

Наш долг очевиден. Должна уйти клевета, возводимая на расовые группы. За ней следуют расовые предрассудки. Должна появиться твердая вера в гуманизм. Должно прекратиться бесправное угнетение человека человеком, будь то белые или черные люди. Должна прекратить свое существование доктрина насильственной экономической экспансии за счет подчиненных народов. Должно прекратиться религиозное фарисейство. «Кровожадный» Мванга в Уганде убил английского епископа, потому что его появление воспринималось как опасность английского господства. Оно и было английским господством, а мир и епископ знали это, но мир «ужаснулся» этому. Подобное лицемерие миссионеров должно прекратиться. Мы должны предстать перед небесами и молить о мире сегодня с чистыми руками и чистыми помыслами.

Кто может помочь нам в этом великом деле? На Востоке – проснувшаяся Япония и пробуждающиеся лидеры нового Китая; в Индии и Египте – молодые люди, получившие образование в Европе в духе европейских идеалов, они образуют сейчас основу, из которой рождается революция. Но в Африке? Кто, как не 25 млн внуков (жертв) европейской работорговли, разбросанных по Америкам и отчаянно стремящихся к свободе в поисках своего места в мире? А среди этих миллионов – в первую очередь 10 млн черных в Соединенных Штатах, представляющие сегодня проблему, а завтра – спасение мира.

За две тысячи лет до Христа огромное облако закрыло море и окутало Африку, закрыв и почти стерев культуру на земле Египта. Полтысячи лет оно оставалось там, пока черная женщина, царица Нефертити, «наиболее чтимая фигура египетской истории», не поднялась на трон фараонов и не возродила мир и свой народ. Две тысячи лет спустя после Христа Черная Африка, растоптанная, изнасилованная и униженная, лежит у ног победивших филистимлян Европы. На берегу моря бед черная женщина вопиет и ждет, прижимая к груди своих сыновей. Каков будет конец? Старые как мир и ужасающие война и богатство, убийство и роскошь? Или это будет что-то новое – новый мир и новая демократия для всех рас, великое человечество равных людей? «Semper novi quid ex Africa!»

© Перевод на русский язык Н. Г. Щербакова, 2013

А. В. Воеводский. История Южной Африки в сочинениях африканских интеллигентов и просветителей конца XIX – первой трети XX в.: особенности формирования исторических представлений

Исторические представления являются важнейшим фактором развития национального самосознания, они оказывают влияние не только на способы репрезентации прошлого, но и на восприятие окружающей людей современной действительности. Это особенно было актуально для африканских интеллигентов Южной Африки конца XIX – первой трети XX в. Перед ними остро стоял вопрос самоидентификации, осмысления прошлого африканских народов Южной Африки и их места в истории. Формирование их мировоззрения происходило в условиях мощнейшего давления со стороны европейской цивилизации.

Само появление слоя африканских интеллигентов в качестве самостоятельной социальной группы было бы невозможно без усилий европейских миссионеров, без деятельности колониальной администрации, без тех возможностей, которые предоставляло колониальное общество. С другой стороны, африканские интеллигенты были плотью и кровью своего народа, они с детства впитали в себя его исторические предания, традиции и обычаи. В их творчестве переплетались представления, почерпнутые из европейской культуры и истории, и собственный исторический опыт. Произведения африканских интеллигентов сыграли важную роль в формировании коллективной исторической памяти африканцев, в осознании ими своего прошлого.

В отечественной историографии практически нет специальных работ, посвященных проблеме формирования исторических представлений африканских интеллигентов конца XIX – первой трети XX в. В силу определенных политических приоритетов и насаждения марксистской методологии в ее советском вульгарном варианте в недавнем прошлом нашей страны изучение взглядов «мелкобуржуазной» африканской интеллигенции не относилось к числу приоритетных тем. Основное внимание уделялось вопросам антиколониальной борьбы, изучению движения сопротивления режиму апартеида в ЮАР, проблемам формирования классового самосознания и т. д. Редким исключением для нашей историографии стала работа А. Б. Давидсона «Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924», в которой были представлены биографии первых африканских политических и общественных деятелей, дан анализ их политических взглядов и мировоззренческих установок¹⁵⁸. Его же авторству принадлежит глава «Марксистское и национально-демократическое направления в южноафриканской историографии» в книге «Историческая наука в странах Африки»¹⁵⁹. В 1990 г. вышло учебное пособие «Историография истории Африки», в котором также есть раздел, посвященный зарождению научной историографии в Южной Африке¹⁶⁰. Вот, пожалуй, и все, что можно перечислить из работ отечественных авторов, в той или иной степени затрагивающих интересующие нас вопросы.

В зарубежной исторической науке изучение исторических представлений африканцев также не относится к числу приоритетных направлений исследований. В основном мы можем

¹⁵⁸ Давидсон А. Б. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924. М., 1972.

¹⁵⁹ Давидсон А. Б. Марксистское и национально-демократическое направления в южноафриканской историографии // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 277–289.

¹⁶⁰ Урсу Д. П. Историография истории Африки. М., 1990.

привести здесь литературоведческие и биографические работы, посвященные творчеству отдельных представителей африканской интеллигенции¹⁶¹. Лишь в последние годы стали появляться труды, посвященные вопросам формирования исторических представлений африканских интеллигентов и их влияния на развитие национального самосознания африканцев¹⁶².

Таким образом, для исследователя все еще сохраняют актуальность следующие проблемы.

Каким образом происходило зарождение исторической традиции среди африканцев? Когда возникает потребность включения прошлого своего народа во всемирный исторический контекст? Как это сказалось на формировании национального самосознания африканцев?

¹⁶¹ Например, см.: *Kunene D. P.* Tomas Mofolo and the Emergence of Written Sesotho Prose. Johannesburg, 1989; *Jordan A. C.* Towards an African Literature: The Emergence of Literary Form in Xhosa. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. P. 64–68; *Orality, literacy, and colonialism in southern Africa / ed. J. A. Draper.* Atlanta, 2003; *Willan B. Sol Plaatje: South African Nationalist, 1876–1932.* Berkeley, 1984; и др.

¹⁶² *Clingman S.* Literature and History in South Africa // *Radical History Review.* 1990. Vol. 46–47. Special Issue. P. 145–161; *Starfeld J. V.* Dr S. Modiri Molema (1891–1965): The Making of an Historian. PhD Tesis (Witwatersrand University). 2007; *Idem.* «Not Quite» History: The Autobiographical Writings of H. Selby Msimang and R. V. Selope Tema // *Social Dynamics.* 1988. Vol. 14. No. 2. P. 16–35.

У истоков

Первым из чернокожих южноафриканцев, кто стал активно выступать за изучение истории своего народа, был Тийо Сога. Его судьба достаточно показательна, чтобы составить представление о путях формирования новой европейски образованной африканской элиты. Тийо был сыном советника вождя кóса¹⁶³. Образование получил в миссионерской школе, учился в Шотландии и стал первым представителем коренного населения Южной Африки, получившим диплом европейского университета. Более того, во время учебы он познакомился с белой девушкой, ставшей в последующем его женой, – беспрецедентный поступок для того времени. Правда, если в Шотландии это не вызывало особых проблем, то в Южной Африке стало поводом для всевозможных кривотолков. На улицах Кейптауна все прохожие оборачивались и глазили на него с женой, а в Порт-Элизабет их появление просто остановило движение, и слышались крики – «Позор Шотландии!»¹⁶⁴

Для современников-европейцев Тийо Сога представлял воплощением того идеала, который провозглашался целью цивилизаторской миссии белого человека, – полное восприятие «туземцем» ценностей, привычек, обычаев и религии европейцев. Однако несмотря на то что Тийо Сога действительно приклонялся перед европейской культурой и видел в распространении христианства путь к спасению коренного населения Южной Африки, он стал провозвестником зарождения самосознания африканцев в совершенно новом качестве.

Тийо Сога был первым, кто заговорил об особом пути африканцев, предназначенном им свыше. В своих статьях, опубликованных главным образом в миссионерских изданиях, он поднимал социальные, экономические и политические вопросы, но фактически размышлял о настоящем и будущем своего народа. В его сочинениях явственно отразились противоречия, присущие всем первым африканским интеллигентам и просветителям – убежденность в превосходстве и благотворном влиянии европейской цивилизации и глубокое переживание за судьбу своего народа, который оказался в глубочайшем кризисе в результате колониальных войн.

Приветствуя выход в свет первого номера журнала «Indaba», («Новости»), издававшегося на английском языке и на языке исикоса в Лавдейле¹⁶⁵, Тийо Сога писал, что он должен стать «сосудом» для сохранения рассказов, легенд, сказок, обычаев и истории кóса. В его словах явственно чувствуется гордость за прошлое своего народа. «Давайте воскресим наших предков-прародителей, которые завещали нам богатое наследие», – воскликнул Тийо Сога¹⁶⁶. Говоря о традиционных правителях кóса, он указывал, что они составляли «корень своего народа» и заботились о его сохранении и благополучии¹⁶⁷.

¹⁶³ Кóса (самоназвание – амакоса) – народ в Южной Африке.

¹⁶⁴ *Chalmers J. A. Tiyo Soga: a Page of South African Mission Work. Edinburgh, 1878. P. 131–132; Williams D. Tiyo Soga, 1829–71 // Black Leaders in Southern African History / ed. Ch. C. Saunders. London, 1979. P. 131.*

¹⁶⁵ Лавдейл – одна из старейших протестантских миссий в Южной Африке. При миссии в 1841 г. была основана первая в Южной Африке семинария для африканцев, которая вплоть до начала XX в. оставалась ведущим учебным заведением, ориентированным на обучение неевропейцев.

¹⁶⁶ *Soga T. The Journal and Selected Writings of the Reverend Tiyo Soga. Cape Town, 1983. P. 153.* Этот призыв сохранял свою актуальность и через 60 лет после смерти Тийо Соги. В 1931 г. Г. Дломо писал: «До тех пор пока у нас не появится история, написанная туземцами со своей позиции, история Союза (имеется в виду Южно-Африканский Союз. – А. В.) будет оставаться неполной и односторонней. Пришло время для того, чтобы наши образованные молодые люди создали исторические книги, которые будут вдохновлять, поддерживать и станут источником гордости для нас и последующих поколений. Мы хотим обрести историю, основанную на фактах и документах, а не только лишь на мнениях и ошибочных предвзятых интерпретациях». См. приложение к данной статье.

¹⁶⁷ *Soga T. The Journal and Selected Writings of the Reverend Tiyo Soga. Cape Town, 1983. P. 153.* Этот призыв сохранял свою актуальность и через 60 лет после смерти Тийо Соги. В 1931 г. Г. Дломо писал: «До тех пор пока у нас не появится история, написанная туземцами со своей позиции, история Союза (имеется в виду Южно-Африканский Союз. – А. В.) будет оставаться

Важнейшей проблемой, решению которой посвятил свое творчество Тийо Сога, было будущее африканцев, поиск их места среди других народов. Для него не было иной альтернативы как принятие христианства и достижений западной цивилизации. Даже в страшных бедствиях, которым подвергся его народ после пророчества девушки Нонгг'авусе, когда кбса вырезали в 1856–1857 гг. практически весь свой скот, уничтожили запасы продовольствия и посеы зерна¹⁶⁸, Тийо Сога видел божий промысел: африканцы, ища спасения в христианских миссиях, открывались для проповеди миссионеров и вынуждены были переходить к занятию земледелием, так как практически весь скот был уничтожен¹⁶⁹. В статье в журнале «Indaba» в июне 1863 г. Тийо Сога отмечал, что европейцы принесли кбса знания, мудрость и различные производственные навыки. «И если мы хотим, – продолжал он, – чтобы наши дети воспользовались этими богатствами знаний, мудрости и навыков, мы должны отойти от того состояния, в котором пребываем ныне, так как и сами белые люди не были рождены с этими благами»¹⁷⁰.

Однако принятие христианства и приобщение к европейским знаниям и культуре не означало для Тийо Соги отказ от своих исконных корней. В цивилизации белого человека он видел, прежде всего, средство возвышения своего народа, избавления от всех бедствий и несправедливостей. Он восхищался Евангелием потому, что оно «облагораживает и просвещает, устраняет все преграды, стоящие между людьми, связывая их воедино узами общего братства»¹⁷¹.

Тийо Сога был глубоко убежден, что в будущем африканцы встанут в один ряд с европейскими народами. Он учил, что придет время и «презираемой Африки», ибо, как сказано в Писании: «Эфиопия (под ней подразумевалась вся Африка – А. В.) вскоре прострет свои руки к Богу». В конце XIX в. эти слова из Библии стали символом движения африканских независимых церквей. Таким образом, христианство представлялось Тийо Соге не в качестве привнесенной европейцами религии, а как предназначенный самим Богом удел африканцев.

Получив образование и сформировавшись как личность в христианской миссии и в Шотландии, Тийо Сога никогда не испытывал слепого преклонения перед европейской культурой. Наряду с благом, он хорошо видел и те пороки, которые принесли с собой белые. К ним он прежде всего относил пристрастие к спиртным напиткам. Алкоголь способствовал распространению непристойности, безнравственности и безответственности, что, согласно Тийо Сога, раньше не было известно или редко встречалось среди африканцев. В распространении этих пороков он напрямую винил европейцев, которые пользовались их неопытностью и сознательно искушали африканцев, распространяя спиртное среди общин кбса, еще не затронутых этим пороком¹⁷².

неполной и односторонней. Пришло время для того, чтобы наши образованные молодые люди создали исторические книги, которые будут вдохновлять, поддерживать и станут источником гордости для нас и последующих поколений. Мы хотим обрести историю, основанную на фактах и документах, а не только лишь на мнениях и ошибочных предвзятых интерпретациях». См. приложение к данной статье.

¹⁶⁸ В 1856 г. среди кбса распространилось предсказание, провозвестницей которого была девушка Нонгг'авусе. Ее дядя, новообращенный христианин Млаказа, утверждал, что предки передавали через нее свою волю, согласно которой кбса должны были уничтожить весь свой скот, запасы продовольствия и посеы зерна. После выполнения этих требований, согласно «пророчеству», мертвые должны были восстать из своих могил и изгнать белых пришельцев за море, и тогда снова к кбса вернулись бы процветание и изобилие.

¹⁶⁹ Chalmers J. A. Op. cit. P. 140–141.

¹⁷⁰ Soga T. Op. cit. P. 168. Эта оценка событий 1856–1857 гг. оказалась чрезвычайно живучей среди африканских интеллигентов и просветителей. В пьесе известного зулусского писателя Г. Дломо «Девушка, убившая, чтобы спасти (Нонгг'авусе – освободительница)», которая была написана в 1935 г., страшный голод, последовавший за забоем скота и уничтожением запасов зерна, рассматривается как инструмент Провидения, толкнувший людей на путь обращения к Христу и тем самым на дорогу цивилизации, проводниками которой выступают миссионеры. См.: Dhlomo H. I. E. Te Girl Who Kill to Save (Nongqause the Liberator) // Dhlomo H. I. E. Collected Works / ed. by N. Visser and T. Couzens. Johannesburg, 1985. P. 3–29.

¹⁷¹ Soga T. Op. cit. P. 73.

¹⁷² Soga T. Op. cit. P. 168–169.

Осуждал Тийо Сога и раскол среди африканцев на «христианизированных» и «язычников». Для него все ко́са были представителями одного народа. Он сетовал, что принявшие христианство африканцы утрачивают великодушие и способность уважать человека независимо от положения в обществе¹⁷³.

Полнее всего взгляды Тийо Сога изложены в его завещании – 62 заповедях, которые он оставил своим детям. Первым, и, по всей видимости, главным пунктом он ставил ясное осознание ими своих корней и сохранение достоинства своего народа. «Ради вашего блага никогда не стыдитесь, что ваш отец был кафром¹⁷⁴ и что вы унаследовали африканскую кровь... Вы должны всегда помнить о вашей матери как о честной, душевной, бережливой шотландской женщине, подлинной христианке. Вы всегда должны быть благодарны этим узам, которые связывают вас с белой расой. Но если вы хотите заслужить к себе уважение, если вы не хотите слышать насмешки от людей, – займите свое место в мире как цветные, а не как белые: как кафры, а не как англичане», – завещал Тийо Сога. Он просил своих детей жить и трудиться на благо своего народа, ради его возвышения и объединения, ибо «союз в каждом хорошем деле есть сила»¹⁷⁵.

К сожалению, Тийо Соге так и не удалось увидеть воплощение в жизнь своих мечтаний. Он умер в 42 года в 1871 г., но его идеи и призывы не пропали втуне. В конце XIX в. появляется целый ряд африканских писателей и журналистов, занимавшихся собранием и публикацией народных преданий и рассказов о прошлых событиях, битвах, правителях и т. д.

Одним из самых известных и талантливых собирателей фольклора и традиций африканцев был Уильям Веллингтон Г'оба (1840–1888 гг.) – поэт, переводчик и журналист, происходивший из народа ко́са. Он испытал сильное влияние Тийо Соги, работал под его началом в миссии Мгвали. С 1884 по 1888 г. Г'оба был редактором «Isigidimi SamaXhosa» («Вестник ко́са»), африканской газеты, издававшейся шотландскими миссионерами с 1870 по 1888 г. в Лавдейле. Наибольшую славу он заслужил как поэт, прежде всего благодаря двум большим поэмам – «Спор христианина с язычником» и «Об образовании»¹⁷⁶.

В изучении истории и обычаев африканских народов Г'оба видел ключ к взаимопониманию между белыми и черными: «Чем глубже исследования погружаются в туземные проблемы, тем более захватывающими они становятся, и две расы постепенно смогут достигнуть взаимопонимания, а все подозрения и обиды, как и предубеждения по отношению к друг другу, исчезнут навсегда»¹⁷⁷.

Г'оба попытался на практике воплотить в жизнь эти принципы будучи редактором «Isigidimi SamaXhosa». Помимо своих поэм он публиковал на страницах газеты исторические статьи, юмористические истории, пословицы. Наиболее значительным его историческим очерком стало повествование «Причины забоя скота во времена Нонг'авусе», опубликованное в двух номерах «Isigidimi SamaXhosa» в 1888 г. Г'оба хотя и был представителем европеизированной и христианизированной африканской элиты и сторонился политики, дал совершенно неординарное и отличное от колониальной традиции объяснение этих трагических событий. Он считал, что причиной массового забоя скота и уничтожения всех продовольственных запасов был не заговор вождей ко́са с целью свергнуть власть белых, а выбор, перед которым поставило всех ко́са пророчество Нонг'авусе: либо выполнить волю предков и встать на сторону духов Напакаде и Сифуба-сибанзи, олицетворявших собой Бога Отца и Иисуса Христа,

¹⁷³ Soga T. Op. cit. P. 175.

¹⁷⁴ Принятое в XIX в. название африканских народов Южной Африки.

¹⁷⁵ Давидсон А. Б. Южная Африка... С. 127; Отрывки из завещания Тийо Сога «Заповеди моим детям» // История Африки в документах, 1870–2000. В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 451–452.

¹⁷⁶ Jordan A. C. Op.cit. P. 64–68; Opland J. Fighting with the Pen: Te Appropriation of the Press by Early Xhosa Writers // Orality, literacy... P. 15.

¹⁷⁷ Opland J. Op. cit. P. 15.

либо попасть под власть Сатаны, имя которого было Нгвеву (т. е. Серый)¹⁷⁸. Знаменательно, что именно так звали тогдашнего губернатора Капской колонии – сэр Джордж Грей. Таким образом, кóса, согласно Г'оба, оказались перед выбором между подчинением демоническим колониальным силам или предкам, выступавшим посланниками высших божественных сил. Недаром для обозначения последователей пророчества Нонг'авусе Г'оба использовал термин *амагг'обока* – так называли новообращенных христиан¹⁷⁹. Однако в подобной интерпретации Г'оба расходился не только с колониальной трактовкой южноафриканской истории, но и с устной традицией самих кóса, как она была зафиксирована в XX в. В ней Нонг'авусе выступает орудием в руках губернатора Дж. Грея, который якобы использовал девушку с целью окончательного подчинения кóса и захвата их земель¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Jordan A. C. Op. cit. P. 73. Bradford H., Qotole M. Ingxoxo enkulu ngoNon-gqawuse (A Great Debate about Nongqawuse) // Kronos. 2008. N 34. P. 73.

¹⁷⁹ Wenzel J. Bulletproof: aferlives of anticolonial prophecy in South Africa and beyond. Chicago; London, 2009. P. 33–34.

¹⁸⁰ Wenzel J. Bulletproof: aferlives of anticolonial prophecy in South Africa and beyond. Chicago; London, 2009. P. 33–34.

Между политикой и историей

Настоящий прорыв в формировании исторических представлений африканцев происходит в первой трети XX в. Связано это было с рядом факторов: увеличением числа представителей коренного населения, получивших европейское образование, овладевших грамотностью и формировавших читательскую аудиторию среди африканцев¹⁸¹; происходил рост политической активности коренного населения, в 1912 г. был образован Южно-Африканский туземный национальный конгресс (в последующим известный как Африканский национальный конгресс); появилось несколько независимых африканских периодических изданий, прививавших привычку к литературной деятельности и чтению и т. д.

Среди собирателей устной традиции и обычаев коренного населения Южной Африки были такие видные политические и общественные деятели, как С. Плааки, Дж. Дубе и У. Рубусана. В частности, в 1906 г. Рубусана выпустил сборник «Берегите ваше наследие» («Zemk' inkomo magwalandini»), в который вошли и исторические рассказы, в частности, в сокращенном виде был опубликован уже упоминавшийся очерк Г'обы. Плааки опубликовал в 1916 г. в Лондоне сразу две книги: «Пословицы сечуана с их литературными переводами и европейскими эквивалентами» («Sechuana Proverbs with Literal Translation and their European Equivalentents») и «Книгу для чтения на сечуана в международной фонетической орфографии» («A Sechuana Reader in International Phonetic Orthography»). В 1903 г. вышел в свет «Кафрский школьный справочник» («Kafr scholar's companion»), автором которого был И. Буд-М'белле.

В это же время появляются первые исторические сочинения. Одним из них стала «История Южной Африки с туземной точки зрения» (1906 г.), автором которой был У. Рубусана. В 1920 г. в Эдинбурге вышла книга Сайлеса Молемы «Банту: прошлое и настоящее»¹⁸². В 1930 г. Джон Хендриксон Сога опубликовал в издательстве Витватерсрандского университета труд «Юго-восточные банту»¹⁸³, а в 1932 г. вышла его книга «Амакоса: жизнь и обычаи»¹⁸⁴. В 1930 г. был опубликован первый южноафриканский словарь биографий, в котором были собраны жизнеописания исключительно чернокожих деятелей – «Африканский ежегодник. Иллюстрированный национальный биографический словарь (Who's Who) черных народов Африки», изданный Т. Д. Мвели Скота, занимавшего с 1923 по 1927 г. должность генерального секретаря АНК.

Все эти издания были реакцией на запрос, сложившийся в африканском обществе – запрос на осмысление своего собственного прошлого. Скота отмечал в предисловии к своему биографическому словарю: «На протяжении многих лет мир испытывает необходимость в расширении своих знаний об Африке и ее народах. Африка за счет своих поразительных минеральных богатств вышла из тени и по своей значимости выдвинулась на передний план в международных делах. Но мало или практически ничего неизвестно о населяющих ее людях. Их считают дикарями, склонными к колдовству, каннибализму и другим порокам, присущим варварам. Даже историки стремятся подчеркнуть самое худшее, что есть в тех некоторых великих африканцах, о которых они упоминают в своих книгах»¹⁸⁵. Ему вторил известный поэт и публицист, писавший на исикоси, С. Э. К. Мг'айи: «В наших школах изучается история лишь одного народа – англичан; они предстают единственными людьми, наделенными интеллектом,

¹⁸¹ Например, тираж «Имво забанцунду» («Голос черного народа»), первой газеты издававшейся африканцем, доходил до 4 тыс. экз. См.: *Beinart W. Twentieth-century South Africa. Oxford, 2001. P. 93.*

¹⁸² *Molema S. M. Te Bantu, Past and Present: An Ethnological and Historical Study of the Native Races of South Africa. Edinburgh, 1920.*

¹⁸³ *Soga J. H. Te South-Eastern Bantu (Abe-Nguni, Aba-Mbo, Ama-Lala). Johannesburg, 1930.*

¹⁸⁴ *Soga J. H. Te Ama-Xhosa: Life and Customs. Lovedale; London, 1932.*

¹⁸⁵ Цит. по: *Couzens T. Te New African: A Study of the Life and Work of H. I. E. Dhlomo. Johannesburg, 1985. P. 4.*

рассудительностью, знаниями, они единственные имеют своих национальных героев... Человека учат, что его вожди полны коварства, и он верит этому, его учат, что великие представители его народа занимаются грабежами, что они воры, тусы и лгуны»¹⁸⁶.

Исторические труды, написанные африканцами, должны были воссоздать историю африканских народов в том виде, в котором она виделась африканским интеллигентам, сформировать представления о собственном историческом пути, заложить основы для формирования национального самосознания. Как указывал Мг'айи, человек, который ничего не знает о своем прошлом, не может обладать даже слабым представлением о том, что происходит в настоящем или произойдет в будущем. А без этого знания невозможно претендовать на национальное лидерство¹⁸⁷.

Указанные выше работы заложили основу для развития африканской историографии Южной Африки. Они отражают уровень исторических знаний наиболее образованной части коренного населения. Их отличительная особенность заключается в том, что ни одно из вышеперечисленных произведений не было создано профессиональным историком. Рубусана был журналистом, Сога большую часть жизни занимался миссионерской работой, а Молема написал свой труд во время учебы на медицинском факультете в Шотландии в годы Первой мировой войны. Основными источниками информации для них были устные предания, собственные наблюдения и жизненный опыт. Молема, например, указывал, что он в значительной степени рассказывал историю собственной жизни, полагаясь больше на свои собственные наблюдения и опыт, что, по его мнению, позволяло ему точнее интерпретировать психологические черты, непонятные чужеземцу¹⁸⁸. Отсутствие профессиональных навыков написания исторических трудов, конечно, накладывало свой отпечаток на характер этих сочинений, однако, с другой стороны, эти исторические работы в большей степени сохраняли связь с представлениями основной массы образованных африканцев. Они по большей части лишены строгого научного объективизма, но именно этим и интересны.

Внимательное изучение трудов первых африканских историков показывает, что они находились под сильным влиянием европейской исторической традиции. В начале XX в. уже вышли в свет и получили известность многотомные труды Дж. М. Тила «История Южной Африки»¹⁸⁹ и Дж. Кори «Возвышение Южной Африки»¹⁹⁰, а также «Туземные расы Южной Африки» Д. Стоу¹⁹¹. Эти работы заложили основы консервативного направления в южноафриканской историографии. Они служили обоснованием господства белого человека на Юге Африки. Банту считались такими же пришельцами, как и европейцы, но последние имели больше прав на эти земли, так как несли с собой цивилизацию.

В целом, африканские авторы восприняли взгляд европейских историков и этнографов XIX – начала XX в., что банту появились в Южной Африке одновременно с белыми, а единственными представителями автохтонного населения были уже вымирающие к XX в. бушмены. Нашла в их сочинениях отражение и теория хамитского влияния на африканские народы¹⁹². Достаточно красноречива точка зрения Молемы на доколониальное прошлое южноафриканских народов: «Их история – это унылая сцена варварства и невежества... Их един-

¹⁸⁶ *Mqhayi S. E. K. Abantu Besizwe. Historical and biographical writings, 1902–1944 / ed. and trans. by J. Opland. Johannesburg, 2009. P. 28.*

¹⁸⁷ *Mqhayi S. E. K. Abantu Besizwe. Historical and biographical writings, 1902–1944 / ed. and trans. by J. Opland. Johannesburg, 2009. P. 30.*

¹⁸⁸ *Molema S. M. Op. cit. P. viii.*

¹⁸⁹ *Teal G. M. History of South Africa Since September 1795. Vol. 1–5. London, 1908.*

¹⁹⁰ *Cory G. F. The Rise of South Africa. A History of the Origin of South African Colonisation and of Its Development Towards the East From the Earliest Times to 1857. Vol. 1–6. London, 1919–1930.*

¹⁹¹ *Stow G. W. The Native Races of South Africa. A History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country. London, 1905.*

¹⁹² *Molema S. Op. cit. P. 6; Soga J. H. The Ama-Xhosa... P. 9–10, 24.*

ственной заботой было удовлетворить самые низменные, элементарные жизненные потребности»¹⁹³.

Первые труды африканских авторов, конечно, нельзя назвать историческими сочинениями в полном смысле этого слова. Значительное место в них занимало описание традиций, обычаев и религиозных воззрений, воссоздание генеалогий правителей, история происхождения отдельных родов и вождеств. Как указывал Молема, его труд не являлся историческим сочинением. Своей целью он видел описание образа жизни банту в пределах ЮАС и прилегающих к нему протекторатов и коронных колоний Великобритании¹⁹⁴. Предназначение своей книги Молема видел в духе рекомендаций Г'обы – развеять предубеждения и непонимание со стороны европейцев. «Для господствующей расы некоторые знания об управляемой расе, образе мысли и поведении ее представителей, необходимы... В большинстве случаев непонимание и неуважение между различными народами является следствием плохого знакомства друг с другом», – отмечал Молема¹⁹⁵. В свою очередь Сога полагал, что многие представления об общественном устройстве коса, которые бытовали среди колонистов, носили совершенно ложный или ошибочный характер, что и служило источником многих конфликтов в прошлом. Так, по его мнению, совершенно неверным было мнение колонистов о том, что коса представляли собой монолитный политический союз. Сога утверждал обратное, что отдельные вождества коса и их правители действовали совершенно независимо. Поэтому все попытки колониальных властей возложить ответственность за пограничный контроль на одного человека – правителя амаХахабе коса Нгкику – были обречены на неудачу и вели к обострению конфликта между коса и колонистами¹⁹⁶.

Оставаясь детьми своего народа, африканские интеллигенты не считали, что следует огульно отказываться от всех традиций и целиком уподобиться европейцам, отличаясь от них лишь цветом кожи. Отнюдь нет. Среди них царило убеждение, что африканцы должны взять лучшее, что есть в европейской цивилизации, но при этом и не отказываться от того, что было, по их мнению, положительного в образе жизни их предков еще в доколониальный период. Подобного взгляда на будущее развитие африканских народов придерживался, в частности, известный журналист, издатель первой африканской газеты Южной Африки Дж. Т. Джабаву. В своем выступлении на Всеобщем конгрессе рас, проходившем в Лондоне с 26 по 29 июля 1911 г., он отмечал, что африканцы «обладали политической организацией и системой поддержания законности и правосудия, выглядевшими подчас более развитыми, чем созданные древними европейскими цивилизациями». Джабаву выступал за постепенное эволюционное развитие африканского общества и в подтверждение своей точки зрения приводил слова священника У. Стида, выразившего глубокое сожаление, что африканцам не позволили самим выбрать из европейской цивилизации те достижения, которые в наибольшей степени соответствовали их уровню развития. Современное индустриальное развитие Южной Африки виделось Джабаву как одна из главных причин упадка морали и нравственности среди африканцев¹⁹⁷.

Молема также отмечал преимущества традиционного уклада жизни банту в сравнении с капиталистическим обществом: «При племенной системе банту за услуги не надо было платить, пока где-либо в деревне или во владениях племени была еда, никто не голодал, так как богатые свободно делились с теми, кто нуждался, едва ли осознавая, что они давали милостыню, по крайней мере не более, чем бедные представляли себя объектами благотворительно-

¹⁹³ *Molema S.* Op. cit. P. 194.

¹⁹⁴ *Molema S.* Op. cit. P. 1.

¹⁹⁵ *Molema S.* Op. cit. P. vii.

¹⁹⁶ *Soga J. H.* *Te South-Eastern Bantu...* P. 155, 178–179.

¹⁹⁷ *Papers on Inter-Racial Problems Communicated to the First Universal Races Congress Held at the University of London, 1911. July 26–29 / ed. G. Spiller. London, 1911. P. 336–341.*

сти... Сочетание и противопоставление капитализма и пауперизма, конкуренции и отчаяния, синекур и изнурительного труда, вычурности и убожества было невозможно в политической системе банту. Индивидуализм, как он понимается в Западном мире, не мог процветать. Гражданским законом был коллективизм, коммунизм и истинная форма социализма являлись господствующими принципами и руководящим правилом»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ *Molema S.* Op. cit. 115. Следует оговориться, что Молема был не первым исследователем, обратившим внимание на сходство общинного уклада жизни африканцев и доктринами социализма. По всей видимости, здесь на него оказала влияние книга этнографа-любителя, бывшего колониального чиновника Д. Кидда: *Kidd D. Kafr Socialism and the Down of Individualism. An introduction to the Study of the Native Problem. London, 1908.*

История и художественная литература

Наиболее ярко особенности формирования исторических представлений африканских интеллигентов и просветителей проявились в художественной литературе, которая получила мощный толчок в своем развитии в первой трети XX в. И не случайно, что наиболее известные и важные произведения этого периода были написаны в жанре исторической художественной прозы. Речь идет прежде всего о произведениях трех крупнейших африканских авторов Южной Африки начала XX в.: Томаса Мофоло, Джона Дубе и Соломона Плааки. Хотя они и принадлежали к разным этническим обществам – басуто, зулу и тсвана, – у них было много общего в происхождении, воспитании и сфере занятий.

Все трое вышли из среды воспитанников миссионерских станций, получили современное образование, занимались активной общественно-политической деятельностью: издавали газеты, принимали участие в создании политических организаций африканского населения в Южной Африке. Так, Дубе стал первым президентом Южно-Африканского туземного национального конгресса (АНК с 1923 г.), а Соломон Плааки секретарем этой организации. Даже в их творчестве явственно прослеживаются общие черты: они посвятили свои произведения одному периоду южноафриканской истории – мфец'ане/дифаг'ане в конце 1810-х – в 1820-е годы, когда южноафриканские народы прошли через череду потрясений и масштабных конфликтов, изменивших этническую и социально-политическую ситуацию во всем регионе к югу от реки Замбези.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.